

Злата Ковалик

Пока закрыт Бассейн

Злата Ковалик

Пока закрыт бассейн

«Автор»

2026

Ковалик З.

Пока закрыт бассейн / З. Ковалик — «Автор», 2026

Бывшая чемпионка Вера Самойлова тренирует двадцать двух подростков и привыкла отвечать за каждую секунду у бортика. Когда городской бассейн закрывают на восемь месяцев, ей нужно сохранить секцию без воды. Единственный сухой зал в её доме занят материалами для опасного ремонта, а инженер Артём Громов не может освободить его ради детей, не рискуя безопасностью жильцов. Пока Вера ищет дорожки на другом конце города, её деловая партнёрша тайно продаёт детские часы взрослым группам и ставит подпись Веры на договорах. Теперь Вере придётся выбрать между красивой заявкой на соревнования и честной готовностью команды, защитить своё имя и не потребовать от любимого человека расплатиться за её работу чужим домом. «Пока закрыт бассейн» — современный любовный роман о равных отношениях, профессиональной ответственности и близости, которая не даёт права решать за другого.

© Ковалик З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Вода до пятницы	6
Глава 2. Дом под сеткой	16
Глава 3. Пустой зал	23
Глава 4. Тонна плитки	33
Глава 5. Часы на другом берегу	40
Глава 6. Двадцать два ребёнка	48
Глава 7. Первый спор жильцов	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Злата Ковалик

Пока закрыт бассейн

От автора

Большой спорт учит бороться за секунды, дорожки и право выйти на старт. Но взрослая ответственность начинается там, где победу нельзя покупать чужой безопасностью и обещаниями, которые уже невозможно выполнить.

Эта история — о тренере, детях, старом доме и ремонте, который нельзя остановить красивой речью. Ещё она о близости двух взрослых людей: им приходится не спасать друг друга, а признавать законность чужой работы и всё равно искать возможность остаться рядом.

Глава 1. Вода до пятницы

Вера поняла, что с водой что-то не так, ещё до того, как увидела объявление.

В раздевалке пахло не хлоркой и мокрой резиной, как всегда по средам, а свежей бумагой. Белые листы висели на каждой дверце: у гардероба, у кассы, возле автомата с бахилами. Люди останавливались перед ними, читали и не шли дальше. Из-за этого в узком вестибюле образовалась пробка. Кто-то звонил, кто-то снимал лист на телефон, а пожилой мужчина в синей шапочке настойчиво спрашивал администратора, куда перенесли его абонемент.

Вера пропустила вперёд двух девочек из своей группы и протянула руку к ближайшему объявлению. Бумага была ещё тёплой после принтера.

«В связи с необходимостью проведения капитального ремонта чаша бассейна и помещения водной зоны закрываются с двадцать восьмого сентября. Предполагаемый срок работ — восемь месяцев».

Она перечитала дату. Сегодня было двадцать третье, среда. Значит, последняя вода — в пятницу.

— Вера Андреевна, это про нас? — спросила за спиной Лиза Черных.

Вера не обернулась сразу. Ниже крупного текста стояли телефоны городской дирекции и фраза о перерасчёте абонементов. Ни слова о спортивных секциях, соревнованиях, шкафчиках с инвентарём и дорожках, оплаченных до декабря. Восемь месяцев были напечатаны так спокойно, будто речь шла о восьми днях.

— Про весь бассейн, — ответила она. — Сейчас узнаем подробности.

Лиза подошла ближе. В четырнадцать лет она уже была выше Веры и сутулилась, словно извинялась за рост. За ней собрались остальные: мокрые после дождя куртки, тяжёлые рюкзаки, торчащие из боковых карманов бутылки. Двадцать два человека сегодня должны были проплыть контрольные двести метров комплексом. Через пять недель начинался областной старт, первый важный в сезоне.

— Восемь месяцев — это до лета, — сказал Дима Круглов.

— Я умею считать, — огрызнулась Полина.

— Тогда не толкайся.

— Никто не толкается.

Они заговорили разом. Вера хлопнула ладонью по папке с тренировочными листами. Не громко, но привычный звук сработал.

— Переодеваемся. Разминка по плану, в воду в шестнадцать десять. Телефоны остаются в шкафчиках. До конца занятия слухи не обсуждаем.

— А если нас уже не пустят? — спросил Кирилл, самый младший.

— Тогда я скажу вам об этом сама. Пока турникет работает, дорожки наши.

Она приложила пропуск. Зелёная стрелка вспыхнула без задержки. Это почему-то разозлило сильнее объявления. Машина знала только сегодняшний день и исправно разрешала им пройти.

Марина стояла у стеклянной двери служебного коридора и разговаривала с заведующей. Увидев Веру, она подняла указательный палец: подожди. Вера отвела детей в раздевалки, проверила, чтобы мальчики не остались читать объявления, и вернулась.

— Когда вы собирались нам сказать? — Марина спрашивала тихо, но заведующая всё равно отступала к стене. — У нас договор. У нас оплачены дорожки.

— Марина Олеговна, письмо пришло утром. Я сама узнала в девять пятнадцать.

— А подрядчика вы тоже нашли сегодня утром?

— Не надо на меня кричать.

— Я не кричу.

Марина действительно не кричала. Она никогда не повышала голос, когда злилась. Становилась медленнее, выговаривала окончания и смотрела так пристально, что собеседник начинал оправдываться раньше вопроса.

— Что с секциями? — спросила Вера.

Заведующая обрадовалась возможности повернуться к ней.

— Сейчас совещание в дирекции. Нам обещали дать список свободных часов в других объектах.

— Когда?

— Предварительно завтра.

— Письменно?

— Вера Андреевна, ну откуда я знаю? Мы в том же положении. У меня сорок три сотрудника.

Вера посмотрела через стекло на синюю стену коридора. На ней висели фотографии соревнований за последние десять лет. В центре — городская эстафета, где её старшая группа впервые заняла второе место. Дети на снимке уже учились в институтах, работали, некоторые перестали плавать совсем. Тогда казалось, что второе место — беда, которую надо немедленно исправить. Сейчас она отдала бы многое за возможность спорить о секундах.

— Причина закрытия? — спросила она.

— Чаша теряет воду. Под ней сырость. Ещё вентиляция, проводка и обходные галереи. Экспертиза есть, но я её не читала.

— Можно получить копию?

— Запросите в дирекции.

— Где мы заберём доски и ласты?

— До пятницы всё вынесите. Потом объект передадут строителям.

Марина повернулась к Вере.

— Ты слышала? До пятницы. Они знали заранее.

— Возможно, дирекция знала. Лариса Петровна говорит, что письмо получила сегодня.

— Ты ей веришь?

— Сейчас это ничего не меняет.

Заведующая благодарно кивнула, но Вера не собиралась её защищать. Ей нужны были факты: последний доступ, судьба договора, свободная вода, возможность хранить инвентарь. Возмущение не давало ни одного ответа.

— Сегодня занимаемся полностью? — спросила она.

— Сегодня и в пятницу. В пятницу до девяти вечера.

— Хорошо. До конца тренировки пришлите Марине письмо и контакты человека, который распределяет секции.

— Постараюсь.

— Не постарайтесь. Пришлите. Родители спросят через час.

Вера оставила Марину договариваться о бумагах и пошла к чаше. Через открытую дверь уже слышались свистки другой группы. Шум воды успокаивал её много лет, но сегодня каждый всплеск звучал как отсчёт.

Дети разминались на галерее. Дима изображал ведущего новостей, держа бутылку вместо микрофона.

— Срочное включение из последней среды человечества. В кадре спортсмены, обречённые на физкультуру в школьном коридоре.

Несколько человек засмеялись. Вера поставила папку на скамью.

— Круглов, десять отжиманий за работу без аккредитации.

— А за правду скидка будет?

— Будет ещё десять за торг.

Он лёг на резиновое покрытие, по-прежнему улыбаясь. Остальные выстроились. Вера дала обычную разминку: стопы, колени, таз, мягкие круги руками. Правое плечо отозвалось знакомой тянущей болью, когда она показала движение. Она тут же опустила руку и попросила Лизу встать перед группой.

— Покажи восемь медленных вращений. Локоть прямой. Не спеши.

Лиза расправилась, заняв её место. Вера поправила Кириллу положение лопаток, проверила у Полины колено после недавнего ушиба. О закрытии никто больше не спросил. Пока звучали команды, мир сохранял форму.

У дорожки Вера разделила группу на четыре потока. На сегодня она планировала контроль, но контрольные секунды теперь ничего не решали. Через два дня у них исчезала вода, а следующая могла оказаться через неделю, месяц или вовсе в другом конце города. Программа, составленная до Нового года, превратилась в аккуратную стопку ненужных листов.

Она могла отменить заплыв и устроить детям щадящее занятие. Они бы поняли. Именно поэтому отменять было нельзя.

— Двести комплексом, как планировали, — сказала она. — Первые номера на тумбы.

Дима снял шлёпанцы и оглянулся.

— А смысл?

Тишина у воды всегда получалась неполной: гудела вентиляция, плескались на соседних дорожках, стучал шест спасателя. Но вопрос слышали все.

— Смысл в том, что сегодня у нас тренировка, — ответила Вера. — Не прощальная и не понарошку. Обычная рабочая тренировка. На старт.

Четверо встали на тумбы. Вера подняла свисток. В этот миг она вспомнила свой последний большой заплыв — не финиш, не боль, а секунду до сигнала, когда тело ещё принадлежало ей целиком. Она тогда знала, сколько гребков сделает до поворота. Через сорок метров плечо обожгло, после финиша она не смогла сама снять шапочку. Потом были снимки, две операции и год попыток вернуться. Врачи говорили осторожно, тренер — бодро, а она всё ждала утра, когда рука снова станет прежней. Такого утра не случилось.

Вера дала сигнал.

Дети вошли в воду почти одновременно. Кирилл поднял слишком много брызг, Лиза вытянулась чисто, Дима запоздал на долю секунды. Вера нажала кнопку секундомера.

Первые пятьдесят метров они плыли баттерфляем. Вера шла вдоль бортика и называла ошибки: не проваливать локти, не задирать голову, держать второй удар ногами. После поворота началась спина. Полина вышла вперёд, хотя на тренировках обычно берегла силы. Наверное, тоже решила, что сегодня нельзя оставлять ничего на потом.

На брасе строй распался. Кирилл отстал почти на корпус. Вера присела у бортика и хлопнула ладонью по плитке.

— Не мельчи! Скользи после толчка!

Он услышал. Последний отрезок кролем прошёл ровнее, чем неделю назад. Когда первый поток закончил, Вера записала результаты без комментариев. Дети висели на разделителе и ждали.

— Лиза, две секунды сняла. Полина — одну и восемь. Дима, опять поздний первый поворот. Кирилл, брасс лучше, финиш развалил.

— Значит, в пятницу исправлю, — сказал Кирилл.

Он произнёс это уверенно, и Вера почувствовала, как внутри что-то сжалось. Для двенадцатилетнего пятница была достаточно далёким будущим, чтобы успеть стать лучше. Она отвернулась к следующему потоку.

— Вторые номера на старт.

Через час результаты лежали перед ней двумя колонками. Почти все прибавили. За последние три недели группа наконец привыкла к новому объёму, перестала спорить с ран-

ними субботними занятиями, научилась проходить вторую половину дистанции без паники. Работа начала давать то, что должна была дать. И именно теперь её обрывали.

После заминки Вера собрала детей на нижней ступени трибуны. Они сидели с полотенцами на плечах. С волос капало на бетон, у ног собирались маленькие лужи.

— Вот что мы знаем точно, — начала она. — Бассейн закрывают после пятницы. Причина серьёзная, продолжать занятия здесь нельзя. Срок ремонта предварительный — восемь месяцев. Завтра дирекция обещала предложить часы в других бассейнах.

— Нам всем вместе? — спросила Полина.

— Этого пока не знаю.

— А старт?

— Пока не отменён.

— Пока? — переспросил Дима.

Вера посмотрела на него. Шутки кончились. Перед ней сидел не весёлый парень, который комментировал всё подряд, а пятнадцатилетний спортсмен, два года пытавшийся выполнить разряд. Обещать ему старт было приятно и безответственно.

— Чтобы выйти на него, нам нужна вода и полноценная подготовка. Сначала выясним, что нам дают. Потом решим.

— Нас могут раскидать по разным группам? — Лиза снова сутулилась.

— Без разговора с вами и родителями я никого никуда не передаю.

— А секция вообще останется?

Вот на этот вопрос Вера могла ответить.

— Я не собираюсь её закрывать.

Дети задвигались, переглянулись. Она заметила, как Полина быстро вытерла лицо краем полотенца, хотя вода с волос уже не текла.

— Сегодня вечером я напишу в общий чат всё, что известно, — продолжила Вера. — Пожалуйста, не пересказывайте догадки как новости. Не надо звонить в дирекцию двадцать два раза. Завтра после их совещания мы с Мариной Олеговной получим варианты и сообщим вам.

— А если вариантов не будет? — спросил Кирилл.

— Тогда будем искать сами.

Это тоже прозвучало как обещание, хотя Вера хотела назвать лишь следующий шаг. Дети умели слышать надежду там, где взрослый оставлял оговорку.

В раздевалку они ушли непривычно тихо. Вера осталась у воды. Соседняя группа уже занимала дорожки, тренер махнул ей рукой, спрашивая, закончили ли они. Она собрала доски, подтянула к стене корзину с колобашками и только тогда заметила Марину на верхнем ряду трибуны.

Та держала два телефона: свой и рабочий. На одном экране мигал общий чат родителей, на другом была открыта таблица.

— Ты сказала, что секцию не закроешь, — произнесла Марина, когда Вера поднялась.

— Не закрою.

— Хорошо бы сначала спросить человека, который платит аренду и зарплаты.

— Хорошо бы было узнать о ремонте не за два дня.

— Это не ответ.

Они работали вместе четвёртый год. Марина нашла первый зал для сухой подготовки, договорилась с бассейном о вечерних часах, убедила родителей внести деньги за три месяца вперёд, когда секция едва держалась. Вера никогда не считала её человеком, который только занимается бумагами. Без Марины команды бы не было. Но сейчас та смотрела не на детей, а в таблицу, и Вере хотелось захлопнуть ноутбук, которого даже не было перед ними.

— Я не сказала, что всё останется как раньше, — ответила Вера. — Я сказала, что не распускаю секцию сегодня.

— На какие деньги?

— Сначала узнаем про замену.

— Я уже узнаю. — Марина подняла рабочий телефон. — В «Южном» есть две дорожки во вторник после девяти вечера. В «Олимпе» — утро с шести до семи, но только для старших. Дворец водных видов не отвечает. Школьные бассейны забиты.

— Детям нельзя заканчивать в десять вечера на другом конце города.

— Поэтому я считаю деньги, а не обещания.

— Я тоже не обещала им прежнего расписания.

— Они слышали именно это.

Вера села через одно место от неё. Пластиковое кресло было холодным даже через спортивные брюки. Внизу плыл взрослый мужчина в ярко-зелёной шапочке, неловко выворачивая голову на каждом вдохе. Вера машинально насчитала семь гребков до сбившегося ритма и заставила себя перестать смотреть.

— Сколько у нас на счёте? — спросила она.

Марина назвала сумму.

— До конца октября хватит?

— Если вернут аренду за октябрь и ноябрь. Если родители не потребуют всё сразу. Если мы не будем возить детей автобусом. Если новая вода не окажется вдвое дороже. Выбирай любое «если».

— Зарплаты?

— Твоя, моя и помощника — на один месяц. Потом кассовый разрыв.

— Значит, до завтра ничего не решаем.

— До завтра не решаем. Но сегодня пишем родителям честно: есть последняя пятничная тренировка, дальнейшего расписания нет.

Вера кивнула. Честность была правильным словом, но звучала как признание поражения.

Марина убрала один телефон в сумку.

— И ещё. Не рассказывай пока про областной старт.

— Они спросили.

— Скажи, что участие сохраняется.

— Оно не сохраняется само по себе.

— Заявка подана, взнос оплачен. Формально мы участвуем.

— Формально они могут выйти на тумбы после месяца без воды. Я такого не скажу.

— Вера, если родители решат, что старта не будет, половина попросит возврат завтра утром.

— А если решат, что будет, они заплатят за то, чего мы не можем обеспечить.

Марина вздохнула и провела большим пальцем по краю телефона.

— Иногда мне кажется, что ты специально выбираешь самую дорогую правду.

— Дешёвая потом обходится дороже.

— Это прекрасно звучит у бортика. В банке попробуй сказать.

Вера встала. Спорить дальше не имело смысла: они обе знали цифры и обе пока не знали главного. Телефон в кармане завибрировал. В родительском чате было уже сорок семь сообщений.

Они с Мариной прошли в тренерскую. У Веры был узкий металлический шкаф, облупленный по краям. В нём хранились запасные очки, секундомер, резиновые петли, аптечка и папка с согласиями родителей. До пятницы всё предстояло вывезти.

— Куда это? — спросила Марина.

— Домой пока.

— У тебя там ремонт начинается.

— Не начинается, а обещает начаться третий месяц.

— Вчера у подъезда поставили сетку.

Вера вспомнила рулоны зелёной сетки во дворе, поддоны за воротами и объявление от управляющей компании, которое сунула в сумку не читая. В доме собирались менять повреждённые перекрытия над бывшей прачечной и перекладывать двор. Жильцы спорили о ремонте с весны: одни требовали немедленно укрепить старую часть, другие не хотели терпеть шум и платить дополнительный взнос. Вера почти не участвовала. Собрания назначали на часы её тренировок, а протоколы казались бесконечным разговором о чужой работе.

— У меня есть кладовая, — сказала она.

— В кладовую двадцать две доски не войдут.

— Двадцать две и не надо забирать. Они бассейна.

— Уже нет. — Марина открыла письмо от заведующей. — Читай. «Инвентарь, приобретённый секциями, подлежит вывозу». Доски покупали мы.

Вера посмотрела на корзину за стеклом. Доски были сложены стоймя, разноцветным веером. На каждой чёрным маркером она когда-то написала сокращённое название секции. Тогда эта покупка казалась признаком устойчивости: у них появилось своё имущество, им больше не приходилось просить у бассейна порванные остатки.

— Закажем машину на пятницу, — сказала она. — Сложим у меня.

— Вместе с ластами, петлями и тумбой для видео?

— Тумбу отвезём к тебе в офис.

— У меня нет офиса. У меня стол в общей комнате, который ты называешь офисом, когда хочешь дать мне ещё одну коробку.

Вера невольно улыбнулась. Марина тоже, но ненадолго.

Они составили сообщение родителям вместе. Каждое предложение обсуждали. «Бассейн прекращает работу» Марина заменила на «закрывается на капитальный ремонт», чтобы никто не решил, будто объект ликвидируют. Вера убрала фразу «места в других бассейнах будут предоставлены», потому что их ещё никто не предоставил. Оставили только известное: занятия в среду и пятницу проходят; после пятницы воды по действующему адресу нет; варианты ждут завтра; секция продолжает работу, формат и расписание уточняются; вопрос участия в старте будет решён после оценки условий подготовки.

— Отправляй ты, — сказала Марина. — Тебе верят.

— Сообщение от секции.

— Родители платят секции, а детей отдают тебе.

Вера нажала кнопку. Синие галочки появились почти сразу.

Первой позвонила мама Кириллы. Потом отец Полины. Потом женщина, чей номер Вера не сохранила: бабушка одного из новых мальчиков. Вера повторяла одно и то же, не смягчая и не добавляя. Нет, нового адреса пока нет. Да, пятничное занятие состоится. Нет, взносы не пропадут. Порядок возврата сообщат отдельно. Да, она понимает, что в шесть утра ребёнок не сможет ездить через весь город. Нет, тренироваться без воды восемь месяцев недостаточно. Да, сухая подготовка нужна, но она не заменяет бассейн.

После шестого звонка голос стал хриплым. Марина принесла стакан из кулера.

— Можешь говорить, что мы рассматриваем все варианты, — предложила она.

— Мы не рассматриваем все. Мы ещё ни одного не получили.

— Эта фраза успокаивает.

— Меня нет.

Марина хотела ответить, но её телефон зазвонил. На экране высветилось «Южный». Она вышла в коридор и закрыла дверь.

Вера осталась одна. На стене над столом висел календарь стартов. Она подошла и сняла красную кнопку с даты областных соревнований. Подумала, потом вернула на место. Снимать было рано. Оставлять — тоже словно обещать.

В раздевалке хлопнула дверца шкафа. Дети начали выходить по одному. Лиза заглянула в тренерскую.

— Вера Андреевна, мама спрашивает, можно ли нам самим ходить в фитнес-клуб. Там есть бассейн.

— Плавать без тренера можно только в свободном режиме и по правилам клуба. Тренировочную работу сами не делаете.

— А если вы туда придёте?

— Сначала надо узнать, разрешены ли там групповые занятия. И сколько человек пускают на дорожку.

— Я могу одна.

— Лиза, наша задача сейчас не растащить вас по случайным ваннам. Иди домой. Я всё напишу.

Девочка кивнула, но не ушла.

— Вы ведь нас не бросите?

Вера почувствовала раздражение — не на Лизу, а на сам вопрос, который не позволял ответить деловым языком.

— Нет, — сказала она. — Но иногда сохранить команду — это не значит оставить всё как было. Запомни это и не пугай остальных раньше времени.

— Я не пугаю.

— Знаю. Иди.

Когда дверь закрылась, Вера села за стол и накрыла ладонью больное плечо. Оно ныло после показа разминки, хотя движение было коротким. Когда-то она скрывала боль от тренера, потому что боялась потерять дорожку и место в сборной. Теперь её ученики могли скрыть от неё страх по той же причине — боялись, что слабых оставят первыми.

Она открыла список группы и напротив каждого имени записала, что знала о дороге до дома и школе. Кому подойдёт раннее утро, кого родители возят, кто добирается один, у кого выпускной класс, у кого музыкальная школа. Получилось не расписание, а доказательство того, что двадцать два ребёнка нельзя переставить одним движением, как дорожки в таблице.

Марина вернулась через десять минут.

— «Южный» готов говорить, — сказала она. — Четыре дорожки по вторникам и четвергам.

Вера подняла голову.

— Ты говорила две.

— Освободились ещё две. Пока устно.

— Время?

— Не по телефону. Завтра встреча в одиннадцать. Я поеду.

— Мы поедem.

— У тебя тренировка на суше в десять.

— Перенесу помощнику. Если дают четыре дорожки, я должна увидеть бассейн.

Марина помедлила.

— Хорошо. Только давай без твоего взгляда, которым ты проверяешь чужую воду на нравственность.

— Я проверю глубину, бортики, раздевалки и дорогу.

— И нравственность.

— Если останется время.

Они договорились встретиться у метро. Впервые за вечер у проблемы появился размер: четыре дорожки, два дня, один адрес. Это ещё не было решением, но уже отличалось от восьми месяцев пустоты.

Вера забрала папку и вышла из бассейна последней из своей группы. Дождь закончился. На мокром асфальте отражались окна, и от этого улица казалась залитой водой. Она дошла до остановки, но не стала ждать автобус. До дома было сорок минут пешком, ей нужно было проветрить голову.

На ходу звонили родители. Вера отвечала, пока телефон не нагрелся у уха. Один отец предложил собрать подписи против ремонта. Мать Димы сказала, что знает заместителя главы района и может «надавить». Вера объясняла: если чаша теряет воду и под ней сырость, требовать продолжения занятий нельзя. Нужно не отменить ремонт, а найти место для команды.

— Вы слишком легко соглашаетесь, — сказала мать Димы.

— Я соглашаюсь с тем, что детям нельзя плавать над аварийным помещением.

— А восемь месяцев? Они специально написали с запасом.

— Возможно. Мы запросим документы и график работ.

— Пока запросите, всё уже поделят.

Эта фраза осталась с Верой после звонка. Всё уже поделят. В спорте дорожки всегда были чьими-то: сильнейших, сборной, взрослых платных групп, школ, которые пришли раньше. Она привыкла бороться за время, но раньше предметом борьбы были часы в воде, а не само существование команды.

У её дома действительно стояла зелёная строительная сетка. Она закрывала половину двора и шевелилась от ветра, как тяжёлая трава. За сеткой лежали поддоны с плиткой, доски и металлические стойки. Проход к подъезду сузился, жильцы обходили лужу по двум шатким настилам.

Возле ворот мужчина в серой куртке спорил с водителем грузовика. Вера видела его на собраниях и несколько раз в лифте. Кажется, звали Артём. Он жил то ли на четвёртом, то ли на пятом этаже и однажды оставил в общем чате подробное объяснение, почему старые балки нельзя просто «подмазать снизу». Вера прочитала первые три строки и отложила на потом.

Теперь он стоял под фонарём с рулеткой в руке и показывал водителю на ворота.

— Машина не пройдёт по высоте, — говорил он. — Я присылал ограничение.

— У меня в накладной этот адрес.

— Адрес верный, кузов неверный. Если заденете арку, разгружать будем не плитку, а кирпичи с фасада.

Водитель развёл руками. Артём заметил Веру, коротко кивнул и снова повернулся к машине. Она прошла бы мимо, если бы не увидела в глубине двора открытые двери бывшей прачечной.

Помещение пустовало несколько лет. Когда-то там собирались открыть кружок для детей, потом склад дворников, потом комнату совета дома. Вера бывала внутри прошлой зимой: сухой прямоугольный зал, высокие окна, ровный пол. Для плавания без воды много не требовалось — коврики, резиновые петли, скамьи, место вытянуть руки, не задевая соседа.

Она остановилась.

Двадцать два человека сразу там не поместятся. Но две группы по одиннадцать — возможно. До дома большинство детей доберутся проще, чем до «Южного». Инвентарь можно сложить у стены. Сухие занятия не заменят воду, зато сохраняют силу, подвижность и привычку работать вместе.

Вера шагнула к сетке.

— Осторожно, здесь проезд, — сказал Артём, не глядя.

— Я вижу. Что будет в прачечной?

Он всё-таки посмотрел на неё. Вблизи лицо оказалось усталым, под глазами залегли тени. На куртке белела строительная пыль.

— На время работ — служебное помещение.

— Что именно там будет?

— Пока ничего. После разгрузки решим.

— Оно принадлежит дому?

— Вы из совета?

— Я из второго подъезда. Вера Самойлова.

— Артём Громов. Пятый этаж, третий подъезд. — Он убрал рулетку в карман. — Вы спрашиваете из любопытства или уже хотите туда что-нибудь поставить?

Она почти улыбнулась. Значит, выражение лица её выдало.

— Бассейн, где я работаю, закрывают. Мне нужно помещение для сухих тренировок детей.

— Там будут материалы.

— Вы сказали, пока ничего.

— Потому что машина не прошла в ворота.

Водитель выразительно посигналил. Артём поднял ладонь, показывая, что помнит о нём.

— На какой срок материалы? — спросила Вера.

— На срок работ.

— Восемь месяцев?

— Почему восемь?

Она посмотрела на освещённый пустой зал. Сегодня всё измерялось одним сроком.

— Потому что именно на восемь месяцев мне негде тренировать команду.

— Сочувствую. Но помещение выбрали не случайно. Оно сухое, закрывается, пол выдерживает нагрузку, к нему можно подвести тележку.

— Детям тоже нужен сухой пол.

— Детей нельзя пускать туда, где хранится плитка, смесь и инструмент.

— Я не предлагаю тренироваться между мешками.

— Тогда мы говорим об одном помещении для двух несовместимых задач.

Вера услышала в его голосе не отказ, а заключение инженера. Это раздражало сильнее грубости. Она хотела сказать, что задача детей важнее удобного склада, но посмотрела на поддоны под открытым небом. Дождь закончился недавно. Плёнка блестела, в складках стояла вода.

— Когда вы его займёте? — спросила она.

— Если привезут правильную машину — в пятницу.

Снова пятница.

— До пятницы можно посмотреть зал?

Артём перевёл взгляд с неё на открытые двери.

— Сейчас нельзя. Там не проверена проводка и снята часть потолка.

— Завтра?

— Вы всегда начинаете договариваться после слова «нельзя»?

— Только если слышу причину, которую можно устранить.

— Проводку за ночь не устранят.

— Для осмотра днём электричество не нужно.

Водитель снова посигналил, теперь длинно. Артём сжал губы.

— Завтра в семь вечера здесь будет представитель управляющей компании. Если он решит, посмотрите. Ничего не обещаю.

— Мне не обещание нужно. Мне нужны размеры и решение жильцов.

— Решение жильцов уже есть. Помещение включено в схему ремонта.

— Тогда мне нужна схема.

Он покачал головой, будто встретил неприятную, но понятную задачу.

— В семь, — повторил он. — Закрытая обувь. За сетку без меня не заходить.

— Хорошо.

Артём ушёл к грузовику. Вера осталась у ограждения. Пустой зал был виден всего несколько секунд, потом рабочий захлопнул одну створку, за ней вторую. Светлая полоса на полу исчезла.

Телефон снова завибрировал. Марина прислала адрес «Южного» и короткое сообщение: «Четыре дорожки держат до завтра. Не опаздывай».

Вера посмотрела на закрытые двери прачечной, потом на дату встречи. Завтра ей предстояло успеть в чужой бассейн, на тренировку, к семи домой и ещё понять, как вывезти инвентарь до пятницы.

Воды оставалось на одно занятие.

Она впервые позволила себе произнести это без оговорок, пусть только мысленно. Потом открыла список группы и написала помощнику, что утром передаст ему сухую тренировку. Жалеть потерянное время можно было после того, как они найдут новое.

Глава 2. Дом под сеткой

В четверг Веру разбудил не будильник, а удар металла о камень.

Звук прошёл через двор, стены и подушку, будто кто-то уронил возле кровати пустую ванну. Следом заработала дрель. Вера нащупала телефон: без восьми семь. Будильник должен был звонить через двадцать две минуты.

Она полежала, прислушиваясь. Дрель замолчала, во дворе крикнули: «Не сюда, левее», — и что-то тяжёлое потащили по асфальту. Дом, который три месяца обсуждал ремонт, наконец принял его всерьёз.

На кухне из крана сначала вырвался воздух. Потом пошла бурая вода, осветлилась и снова стала рыжей. Вера поставила чайник на стол и увидела на дверце холодильника уведомление управляющей компании, принесённое вчера из почтового ящика. Внизу мелкими буквами было написано: «Возможны кратковременные отключения холодного водоснабжения с 7:00 до 18:00».

Она налила в чайник воду из фильтра. Запаса оставалось на две кружки. В обычный день Вера спустилась бы в магазин, но сегодня ей нужно было собрать документы к встрече в «Южном», передать помощнику тренировку и до одиннадцати добраться через полгорода.

Телефон показывал двадцать девять непрочитанных сообщений. Ночью родители делились адресами бассейнов, часами работы и слухами. Кто-то нашёл коммерческий клуб с дорожкой в семь утра. Кто-то предлагал возить детей в соседний город. Отец Кирилла написал, что готов оплачивать микроавтобус, если остальные скинутся. Мать Полины спросила, не поздно ли забрать документы и перейти в другую секцию.

Вера открыла сообщение Полининой матери и не стала отвечать сразу. Она не имела права просить ждать только потому, что сама не хотела терять девочку. Полина была сильнейшей на спине и самой тихой в группе; если дома уже нашли ей воду, тренер должен был помочь перейти, а не удерживать обещанием.

Она написала: «Сегодня после встречи сообщу точные условия. Если у вас есть подтверждённое место в другой секции, не отказывайтесь от него из-за нас. Позвоню вам вечером лично».

Ответ пришёл почти сразу: «Спасибо. Мы ждём до вечера».

Снизу снова грохнуло. Вера подошла к окну. Зелёная сетка делила двор на две неравные части. По одну сторону стояли детская горка, три машины и мусорные баки. По другую двигались рабочие в ярких жилетах. Вчерашние поддоны накрыли новой плёнкой, а к бывшей прачечной проложили дорожку из толстых листов фанеры. Артём стоял у ворот и показывал водителю маленького грузовика, как пройти под аркой. На этот раз кузов был ниже.

Вера увидела, как машина медленно въехала во двор, и поняла: пятничную доставку перенесли на сегодня.

Она открыла окно.

— Артём!

Он поднял голову не сразу. С пятого этажа третьего подъезда кто-то тоже кричал рабочим, чтобы не перекрывали вход. Вера махнула рукой.

— Осмотр сегодня остаётся?

Артём посмотрел на часы.

— В семь. Если управляющая компания не отменит.

— Вы же сказали, доставка в пятницу.

— Нашли нужную машину раньше.

— Зал займут сегодня?

— Часть зала.

Водитель высунулся из кабины и потребовал убрать легковую машину с поворота. Артём показал Вере поднятый большой палец — не в знак согласия, а вместо дальнейшего разговора — и побежал к воротам.

Она закрыла окно. За одну ночь пустое помещение не перестало быть возможностью, но теперь возможность измерялась не днями, а шириной прохода между поддонами.

Вера достала папку с документами секции. Договор с бассейном, список детей, медицинские допуски, календарь стартов, страховки. Марина просила взять только договор и заявку на областные соревнования, однако Вера положила всё. Чужой бассейн мог спросить что угодно. Сверху она добавила лист с расписанием двадцати двух подростков, который составила накануне.

В половине восьмого отключилась вода окончательно. Вера успела умыться, но не вымыть кружку. Она оставила её в раковине и вышла.

Лифт не работал. На двери висел лист: «В связи с переносом материалов просим пользоваться лестницей до 12:00». Вера жила на четвёртом этаже. Спуск не был проблемой, пока на площадке между вторым и первым она не встретила Анну Львовну из сорок седьмой квартиры. Соседка стояла, держась одной рукой за перила, другой прижимала к боку тележку на колёсах.

— Они совсем с ума сошли, — сказала Анна Львовна вместо приветствия. — У меня после операции лестница запрещена. А мне за хлебом.

— Давайте тележку.

— Тележку я сама. Вы меня под руку возьмите.

Вера встала на ступень ниже и подставила левую руку. Правое плечо берегла привычно, почти не замечая этого. Анна Львовна опиралась тяжело и сердито. На каждом пролёте они останавливались.

— Весной обещали сделать тихо, — говорила соседка. — Где тихо? С семи утра стены бьют. Воду забрали. Лифт забрали. Скоро воздух по расписанию будут давать.

— Перекрытия сами себя не починят.

— Вы теперь за них?

— Я за то, чтобы дом не развалился.

— А я, по-вашему, за что? Только жить когда?

На первом этаже проход был заставлен мешками с сухой смесью. Рабочие оставили узкую полосу вдоль стены. Вера провела соседку боком, забрала тележку и подняла её через порог. У подъезда Анна Львовна выпрямилась и посмотрела на сетку.

— В прачечной опять склад устроят, — сказала она. — А говорили, людям комнату сделают.

— Когда говорили?

— На позапрошлом собрании. Комнату совета или детям кружок. Потом оказалось, денег нет. Теперь вот склад. У нас всё для людей, только люди мешают.

Вера хотела спросить, поддержала бы соседка тренировки, но промолчала. Просить голос в тот момент, когда человек после операции тащился без лифта, было нечестно.

— Я схожу с вами до магазина.

— Не надо. У вас папка, значит, спешите. Обрато лифт включат?

— Я узнаю.

За сеткой маленький грузовик уже разгружали. Двое рабочих ставили на тележку коробки с плиткой, третий катил их к прачечной. Артём стоял у входа в подъезд с мастером и держал раскрытый план. Вера дождалась, пока они закончат фразу.

— На второй подъезд лифт вернут до двенадцати? — спросила она.

— До десяти, — ответил Артём. — Его отключили не для переноса материалов. Рабочие снимают защитный козырёк над выходом, под ним ходить нельзя.

— В объявлении написано про материалы.

— Где?

Она показала лист на двери. Артём прочитал, нахмурился и позвал мужчину в синей спецовке.

— Пётр, кто это повесил?

— Диспетчер, наверное.

— Козырёк закончим в девять сорок. Сразу включите лифт и замените объявление. В доме люди с ограниченной подвижностью.

— Так мы и стараемся быстрее.

— Значит, напишите точную причину и время.

Пётр пожал плечами и ушёл. Вера заметила, что Артём не сказал ни «извините», ни «ничего страшного». Он исправил то, что мог, и вернулся к плану.

— Анна Львовна из сорок седьмой пошла в магазин пешком после операции, — сказала она.

— Я видел её заявление. Ей должны были позвонить вчера и предупредить.

— Не позвонили.

— Проверю.

— У вас на всё есть человек, который должен был сделать.

Он поднял глаза.

— А у вас всё всегда делает один тренер?

Вера вспомнила Маринины таблицы, помощника, который уже, наверное, открывал зал для утренней группы, и родителей, готовых искать автобус.

— Нет, — признала она.

— Тогда вы понимаете разницу между ответственностью и способностью лично держать каждую дверь.

— Понимаю. Но человеку на лестнице от этой разницы не легче.

— Поэтому я сейчас проверю звонок, объявление и лифт. А не буду объяснять ей устройство подрядной организации.

Он сказал это без резкости. Вера посмотрела на бывшую прачечную. В открытой двери уже виднелись серые коробки, сложенные в два ряда.

— Сколько вы туда поставите?

— Сегодня — около тонны плитки. Завтра смесь и инструмент.

— А проход оставите?

— Для осмотра — да. Для детей — нет.

— Вы ещё не знаете, как я хочу разделить помещение.

— А вы ещё не знаете, что снято с потолка.

— В семь узнаю.

Артём сложил план.

— Вы правда думаете, что двадцать два подростка смогут ходить через двор, где разгружают материалы?

— Не одновременно. И не во время разгрузки.

— Работы идут шесть дней в неделю.

— Дети учатся пять. У нас остаются вечера и воскресенье.

— Вечером помещение должно запирается с материалами внутри.

— Замок не запрещает открыть дверь по расписанию.

Мастер в синей спецовке окликнул Артёма. Одна из тележек застряла на стыке фанерных листов. Артём сделал шаг к ней, потом обернулся.

— В семь придите не только с расписанием. Посчитайте людей на одну группу, длительность занятия, нужное оборудование и кто отвечает за них в помещении. И обувь закрытая.

— Уже говорили.

— Вчера вы были в кроссовках. Сегодня можете прийти в сандалиях назло.

— Я не трачу назло хорошую обувь.

На этот раз он улыбнулся. Совсем немного, одним углом рта, и сразу ушёл помогать рабочим.

Вера проводила его взглядом и разозлилась на себя. Улыбка ничего не меняла. Тонна плитки по-прежнему въезжала в единственный зал, который мог удержать её команду вместе.

До спортивного центра, где помощник проводил сухую тренировку, она добиралась сорок минут. Обычно там занимались гимнасты и танцоры, а по четвергам с десяти до одиннадцати секции давали маленький зал с зеркалами. Сегодня Вера пришла раньше девяти, чтобы перенести план занятия.

Помощника звали Илья, ему было двадцать четыре. Он работал с младшими второй год и всё ещё приносил на тренировку собственные резиновые петли, потому что боялся забыть секционные. Увидев папку, он сразу спросил:

— Нашли воду?

— Есть разговор про четыре дорожки. Не вода. Разговор.

— Четыре — это же вся группа.

— Зависит от времени и цены.

Вера отдала ему лист с занятием. Сорок минут общей силы, пятнадцать — подвижность голеностопа и плеч, потом работа с резиной по парам. Ни одного движения через боль, никаких соревнований на число повторов.

— Лиза опять будет просить добавить, — сказал Илья.

— Не добавляй. Она вчера выложились на контроле.

— Я помню.

— Кирилл торопится в тяге. Останови, если теряет лопатки. Полине не давать опору на ушибленное колено.

— Вера Андреевна, я два года с ними работаю.

Она замолчала. Илья стоял перед ней с петлями через плечо и ждал, когда она это признает.

— Да, — сказала Вера. — Поэтому сегодня ведёшь ты.

— А если родители придут?

— Говоришь только подтверждённое. После пятницы старого расписания нет. Сегодня в одиннадцать встреча по новому. Вечером будет сообщение.

— А про старт?

— Решения нет.

Илья кивнул, но не отпустил её.

— Если воды будет два раза в неделю, мы их выведем?

Он спрашивал не как помощник, а как молодой тренер, которому хотелось получить от старшего правильный ответ.

— Не знаю, — сказала Вера. — Сначала посмотрим, какие часы, сколько времени потеем на дорогу и кто сможет ездить. Потом оценим каждого ребёнка. Заявка не важнее безопасности.

— Они расстроятся.

— Конечно.

— Марина Олеговна сказала вчера, что участие почти точно сохраняется.

Вера медленно закрыла папку.

— Кому сказала?

— Мне. Просила не волновать родителей до встречи.

— Если тебя спросят, повторяешь только то, что я сейчас сказала.

— Хорошо.

— И пришли мне после занятия, кто был и как работал.

На улице она набрала Марину. Та сбросила вызов и прислала: «В метро. Буду у выхода в 10:40».

Вера написала: «Не обещай старт ни сотрудникам, ни родителям». Три точки ответа появились, исчезли, появились снова.

«Я сказала “почти точно”. Не устраивай разбор перед встречей».

Вера убрала телефон. До метро было пятнадцать минут пешком. Она могла позвонить ещё раз и потребовать объяснений, но тогда приехала бы в «Южный» с готовой ссорой вместо вопросов. Марина умела превращать тревогу в сделку, и четыре дорожки, возможно, появились именно поэтому. Вера умела видеть цену сделки после того, как та начинала действовать. Им были нужны обе способности. Только не ложь между ними.

У входа в метро продавали воду. Вера купила две бутылки — одну себе, вторую Анне Львовне на обратную дорогу, хотя понимала, что соседка к тому времени уже вернётся. Бутылка легла в сумку рядом с документами и напомнила о пустом фильтре дома.

В вагоне было тесно. Вера стояла у двери, удерживая папку левой рукой. Правой взялась за поручень, поезд дёрнулся, и плечо отозвалось резкой болью. Она сразу поменяла руки. Женщина напротив освободила место, решив, наверное, что Вера ушиблась.

— Садитесь.

— Спасибо, я постою.

Отказ прозвучал слишком быстро. Когда-то уступленное место казалось ей признанием слабости. Теперь она учила детей отличать боль от усталости и останавливаться вовремя, но сама всё ещё принимала помощь так, словно за неё нужно было расплачиваться.

На следующей станции место осталось свободным. Вера села.

Марина ждала у выхода в сером пальто и с бумажным стаканом кофе. Второй стакан она протянула Вере.

— Без сиропа. Ты ела?

— Нет.

— Я так и знала.

В пакете оказался сырник в картонной коробке. Вера взяла его, хотя злиться натошак было привычнее.

— Что ты сказала Илье про старт?

— Доброе утро.

— Уже было.

Марина пошла к переходу. Вера двинулась рядом.

— Я сказала, что при четырёх дорожках шансы хорошие. Чтобы он не искал новую работу до обеда.

— Он услышал «почти точно».

— Потому что Илья слышит последнее бодрое слово. Если я скажу ему, что денег на зарплату до ноября, он уйдёт сейчас. Ты будешь одна вести двадцать два человека по трём адресам?

— Я не прошу пугать его деньгами. Я прошу не обещать результат до того, как мы увидели условия.

— А я прошу не обращаться со взрослыми людьми как с детьми, которым можно сообщать только проверенный прогноз погоды.

— Взрослому человеку можно сказать: мы ведём переговоры, решение сегодня.

— Можно. И получить ответ: тогда я тоже веду переговоры с другой секцией.

Они остановились на светофоре. Между ними проезжали машины, хотя переход уже загорелся зелёным.

— Если Илья уйдёт, потому что ему нужна надёжная работа, мы не имеем права удерживать его ложной надёжностью, — сказала Вера.

— Это не ложь. Это способ дожить до факта.

— Нет, Марина. Это продажа будущего, которого у нас ещё нет.

Марина сжала стакан. Крышка прогнулась.

— Хорошо. Больше не говорю про старт до решения. Довольна?

— Нет. Но этого достаточно.

— Великодушно.

Они перешли дорогу молча. Ссориться перед встречей всё-таки пришлось, но Вера почувствовала не облегчение, а усталость. Раньше их споры заканчивались на цифрах: аренда дорожки, часов меньше, группа не набрана. Теперь Марина всё чаще считала доверие ещё одним ресурсом, который можно временно занять.

«Южный» стоял за торговым центром и двумя рядами гаражей. От метро дорога заняла двадцать три минуты быстрым шагом. Вера засекала автоматически. Подросткам с рюкзаками понадобится не меньше тридцати, младшим — больше. От их старого бассейна сюда ехать час с пересадкой. Для Лизы и Димы путь от дома растягивался почти до полутора часов.

У здания не было отдельной стоянки для автобуса. Тротуар кончался у шлагбаума, дальше машины и пешеходы шли по одному проезду. Вера отметила это в блокноте.

— Ты ещё чашу не видела, а уже хмуришься, — сказала Марина.

— Я считаю дорогу.

— Четыре дорожки в городе не телепортируются к твоему дому.

— Поэтому мне нужен зал в доме.

— Тот, куда утром завезли плитку?

Вера посмотрела на неё.

— Откуда ты знаешь?

— Ты прислала фотографию в четыре утра.

— В семь двадцать.

— По ощущениям — в четыре.

— Осмотр всё равно будет.

— Вера, сухой зал не заменит воду.

— Я знаю. Но если вода два раза в неделю далеко, остальную работу надо делать рядом. Иначе дети будут тратить на дорогу больше времени, чем на тренировку.

Марина ничего не ответила. Она тоже умела складывать часы, когда хотела.

В вестибюле «Южного» пахло кофе, хлоркой и жареным тестом из автомата. У турникета стояли две детские команды в одинаковых куртках. Тренеры перекликались через головы родителей, кто-то искал пропуск, мальчик лет десяти плакал из-за забытых очков. Места здесь не пустовали.

Марина назвала администратору фамилию человека, с которым договаривалась. Их попросили подождать. На стене висело расписание. Вера подошла ближе.

С шести утра до половины одиннадцатого все дорожки были заняты школами и клубами. Днём шли льготные сеансы и обучение малышей. Вечером — взрослые группы, свободное плавание, аквааэробика. Возле вторника и четверга с половины девятого до десяти стояли четыре пустые клетки. Не с девяти, как вчера говорила Марина. С половины девятого.

— Восемь тридцать, — сказала Вера.

— Я видела.

— Значит, заканчиваем в десять. Переодевание — до десяти двадцати. Метро — без десяти одиннадцать. Часть детей будет дома после полуночи.

— Сначала слушаем предложение.

— Для двенадцатилетних это не предложение.

— Для двенадцатилетних можно искать другое. Старшим оставить эти часы.

— Тогда это не четыре дорожки для команды.

Марина отвернулась к окну. Во дворе дома Веры тонна плитки занимала зал, потому что другому месту не хватало сухости и крепкого пола. Здесь четыре дорожки освободились так поздно, что ими могли пользоваться не все. Каждый ресурс существовал не сам по себе, а вместе с ценой, которую кто-то предпочитал не писать в расписании.

К ним подошёл мужчина в спортивном костюме с эмблемой «Южного». Ему было около пятидесяти; на шее висел пропуск, в руке он держал связку ключей.

— Марина Олеговна? Сергей Павлович. Проходите. Только сразу предупрежу: время меняется со следующей недели, и держать его без договора мы долго не сможем.

Он приложил пропуск к турникету. Марина шагнула первой. Вера задержалась на секунду возле расписания и записала точные часы.

Четыре дорожки у них действительно были.

Теперь предстояло понять, кому они достанутся на самом деле.

Глава 3. Пустой зал

За турникетом Сергей Павлович выдал им бахилы и повёл по коридору, где стены были покрашены в два оттенка синего. Вера невольно считала двери: медицинский кабинет, тренерская, два выхода к чаше. У дальней стены стояла каталка, над ней висел новый огнетушитель. Всё выглядело аккуратно, но тесно. Если сюда одновременно выйдут две команды, родители и посетители свободного плавания, разойтись будет трудно.

— Раздевалка отдельная? — спросила она.

— Женская и мужская общие, — ответил Сергей Павлович. — Шкафчики по браслетам. На ваши часы обычно уже свободнее.

— Обычно — это сколько людей?

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Вы тренер?

— Старший тренер секции. Вера Самойлова.

— А, Самойлова. Теперь понял.

Узнавание прозвучало без восторга, и Вера была ему благодарна. Ей не хотелось тратить встречу на рассказ о старых стартах. Сергей Павлович только пожал ей руку и открыл дверь на трибуну.

Хлорный воздух сразу лёг на кожу. Под ними блестела пятидесятиметровая чаша, разделённая на восемь дорожек. На ближних четырёх дети в жёлтых шапочках плыли короткие отрезки баттерфляем. На дальних взрослые медленно двигались каждый в своём темпе. Потолок был низким для такого большого помещения, голоса и свистки собирались под ним и возвращались эхом.

Вера спустилась на два ряда ниже. Посмотрела на тумбы, разделительные волногасители, глубину у борта. На пятой дорожке не хватало одного красного поплавка, возле седьмой плитка была помечена жёлтой лентой.

— Что там? — спросила она.

— Скол. Сегодня ночью заменят. До ваших часов будет готово.

— Температура?

— Двадцать семь и две десятых утром. Журнал покажу.

— Медик до закрытия?

— До последнего посетителя. Спасатель на чаше постоянно.

Сергей Павлович отвечал быстро, без раздражения. Вера перестала ждать подвоха в самом бассейне. Вода была хорошая. Проблема начиналась за его дверью и заканчивалась далеко за полночь у квартир двадцати двух детей.

Марина тем временем фотографировала свободные дорожки.

— Снимать нельзя, — сказал Сергей Павлович.

— Здесь же никого нет.

— В кадр попадает шестая. Удалите, пожалуйста.

Марина показала экран и стёрла фотографию. Вера заметила, как быстро она подчинилась. Когда правило было чётким и за ним стоял человек, Марина не спорила. Она спорила с пустотой, неопределённостью и потерей денег.

Они прошли в маленькую комнату за тренерской. На столе лежал проект договора, три стакана и графин. Сергей Павлович сел напротив них.

— Итак. Вторник и четверг, с двадцати тридцати до двадцати двух. Четыре дорожки. Вход команды не раньше двадцати, выход из раздевалок до двадцати двух двадцати. Оплата помесечно вперёд. Первый месяц — с двадцать девятого сентября.

Он назвал сумму. Марина не изменилась в лице, но поставила стакан, не отпив.

Вера посчитала: почти в полтора раза дороже их прежних часов за одно занятие. К этой сумме добавлялась зарплата Ильи, дорога и, возможно, автобус хотя бы от метро. Даже если не возвращать родителям деньги, до конца октября секция не дотянет.

— Это за четыре дорожки все полтора часа? — спросила Марина.

— Да.

— Мы можем взять две с половины?

— Половину дорожки я вам не отрежу.

— Три.

— Пакет освобождается целиком. Предыдущий арендатор ушёл со всех четырёх.

— Почему ушёл?

Сергей Павлович сложил руки на столе.

— Перевёл взрослые группы в новый клуб. Их клиентам поздно было удобно, детям — нет. Я это говорю сразу.

Вера посмотрела на Марину. Та не отвела глаз.

— Мы разделим возраст, — сказала Марина. — Старшие ездят сюда, младшим ищем дневные часы.

— Сколько старших? — спросил Сергей Павлович.

— Двенадцать, — ответила Вера. — Если все семьи согласятся. Пока не соглашался никто, потому что мы не называли время.

— На четырёх дорожках двенадцать человек — роскошь.

— На трёх тоже. Четвёртую можно сдать кому-то ещё.

— Можно, если этот кто-то согласится на ваш договор и ответственность за своих людей.

Мне не нужен спор у воды, чья сегодня крайняя дорожка.

Марина придвинула к себе проект.

— Дайте нам сутки. Мы найдём партнёра.

— До завтрашнего полудня. После обеда у меня встреча с коммерческой школой.

— Они готовы на всё время?

— Они готовы разговаривать. Как и вы.

Марина улыбнулась той улыбкой, которой обычно добивалась дополнительного дня у арендодателей.

— Сергей Павлович, наш бассейн закрылся внезапно. У нас двадцать два ребёнка и старт через пять недель. Вера Андреевна отвечает за результат, я — за договор. Нам нужно хотя бы до понедельника, чтобы собрать согласия.

— До понедельника дорожки будут пустовать два вечера. Я отвечаю не только за вашу секцию.

— Мы можем внести бронь.

— Невозвратную, — сказал он.

Марина спросила размер. Сумма была равна недельной зарплате Ильи.

— Внесём сегодня, — сказала она.

— Нет, — сказала Вера.

Слова встретились над столом. Сергей Павлович откинулся на спинку стула, словно заранее знал, что теперь переговоры пойдут не с ним.

— У нас нет согласий семей, — продолжила Вера. — И нет решения, кого мы сможем привозить так поздно.

— Бронь покупает нам время получить согласия, — сказала Марина.

— За деньги, которых хватит Илье на неделю.

— Если не будет воды, ему вообще нечего будет вести.

— Мы не платим за надежду из зарплаты сотрудника.

Марина постучала ногтем по договору.

— Тогда завтра в полдень эти часы возьмёт школа, которая не устраивает нравственный суд каждой тысяче.

— Возможно.

— И что ты скажешь детям?

Вера видела в стекле двери отражение бассейна. На дорожке мальчик остановился у борта, тренер присел перед ним и поправил ремешок очков. Вода была в десяти шагах. Можно было подписать бумагу, назвать родителям цену, набрать двенадцать согласий из двадцати двух и сделать вид, что команда сохранена. Остальные десять исчезли бы не сразу. Сначала пропустили бы неделю, потом перестали читать общий чат.

— Скажу правду: для части группы время небезопасное, а для всей секции аренда слишком дорогая. До завтра ищем тех, кто разделит четыре дорожки, и транспорт. Без этого не бронируем.

— Транспорт за сутки?

— Хотя бы цену и точку посадки.

Сергей Павлович взял листок и написал номер.

— У нас по вторникам занимается клуб триатлонистов до половины девятого. Им иногда нужна ещё одна дорожка. Позвоните их администратору. Я ничего не обещал.

Марина сразу забрала номер.

— Спасибо. А четверг?

— Ищите сами. До полудня пятницы я держу пакет без денег. В двенадцать ноль одну звоню следующим.

Вера кивнула.

— Этого достаточно.

— Тебе сегодня всё достаточно, — тихо сказала Марина.

Они осмотрели раздевалки, медкабинет и запасной выход. Вера измерила время от турникета до борта, проверила, есть ли место для разминки, спросила журнал температуры и фамилию дежурного медика. Сергей Павлович показал всё, кроме служебных помещений, и ни разу не напомнил, что её когда-то узнавали по одному имени. К концу осмотра она уважала его больше, чем в начале, и от этого отказ становился тяжелее. Плохое предложение легче отвергать. Это было хорошее место в плохое время за деньги, которых у них не было.

На улице Марина пошла к остановке, не дожидаясь Веры.

— Нам в одну сторону, — сказала Вера.

— Я знаю.

— Тогда почему ты убегаешь?

— Чтобы не сказать лишнего.

— Скажи нужное.

Марина остановилась у шлагбаума. Мимо проехал фургон, им пришлось прижаться к забору.

— Нужное такое: через сутки у нас не будет ни воды, ни денег, ни помощника. Зато будет честный ответ каждому родителю. Ты сможешь распечатать его и повесить вместо расписания.

— А твоё решение — взять деньги Ильи и поставить двенадцатилетних на улицу в одиннадцать вечера.

— Моё решение — не отдавать дорожки, пока мы ищем автобус и партнёра.

— Невозвратная бронь не создаёт ни автобус, ни партнёра.

— Она создаёт сутки.

— У нас уже есть сутки. Сергей дал их бесплатно.

Марина поправила ремень сумки.

— Потому что узнал тебя.

— Он узнал меня до разговора и всё равно называл ту же цену.

— Но номер триатлонистов дал тебе.

— Нам.

— Конечно. Нам.

Она открыла в телефоне календарь.

— Я позвоню триатлонистам, двум школам и перевозчику. В шесть пришлю цифры. Ты опросишь родителей старших. В семь у тебя прачечная. В восемь принимаем решение.

— Не принимаем. Собираем данные. Решение — до полудня завтра.

Марина коротко рассмеялась.

— Иногда мне кажется, что ты оставляешь себе лишнюю ночь только для того, чтобы решение успело стать единственно правильным.

— Иногда я оставляю ночь, чтобы утром не пришлось возвращать людям деньги за то, чего не будет.

Они разошлись у метро. Марина спустилась вниз, не попрощавшись. Вера осталась у входа и составила сообщение родителям старшей группы. Написала точное время, адрес, длительность дороги и просьбу до шести ответить на четыре вопроса: сможет ли ребёнок ездить дважды в неделю, нужен ли общий транспорт, допустимо ли возвращение домой после одиннадцати и сохраняют ли они участие при повышении платы. Перечитала и убрала фразу о старте. Отправила двенадцати семьям.

Ответы начали приходить ещё до того, как она вошла в метро.

Мать Лизы: «Два раза сможем, обратно только с автобусом».

Отец Кирилла: «Буду забирать сам, могу взять ещё троих».

Мать Полины: «Нет. У неё школа с восьмью, дома будет после двенадцати».

Три сообщения оставались непрочитанными, два человека просили позвонить вечером, один сразу спросил цену. Вера честно написала предварительную сумму. Через минуту ответ изменился с «скорее да» на «надо обсудить».

В старом бассейне шла последняя обычная тренировка перед закрытием. Вера успела к середине и остановилась у стеклянной двери. Илья стоял у борта, секундомер держал в правой руке, левой показывал Лизе более длинный вход в воду. Он не заметил Веру. Группа работала без неё.

Это должно было успокаивать, но первой пришла обида — короткая, стыдная, почти детская. За годы Вера привыкла быть тем человеком, чьё присутствие меняет темп на дорожке. Теперь дети слышали свисток Ильи, исправляли движения и не оглядывались.

Она вошла на чашу. Кирилл увидел её первым и сбился со счёта.

— Не останавливайся, — сказала Вера. — Илья ведёт.

Помощник только кивнул. После серии подошёл к ней с журналом.

— Все двадцать два. Полина колено не нагружала. Лиза просила добавить, я не добавил.

Родители уже спрашивают про «Южный».

— Я отправила старшим условия.

— А старт?

— Всё ещё решения нет.

Он принял ответ без заметного разочарования. Вера поняла, что утром объясняла ему честность так настойчиво, будто именно он не был к ней готов.

— Марина Олеговна сказала, что с оплатой всё нормально, — произнёс Илья после паузы.

— До конца октября у нас есть запас. Дальше зависит от нового расписания и числа групп. Если появится риск задержки зарплаты, ты узнаешь до того, как он появится.

— Хорошо.

— Ты ищешь другое место?

Илья посмотрел на воду.

— Мне позвонили из «Олимпа». Там младшая группа по утрам. Я ещё не отвечал. Вера заставила себя не спросить, сколько ему предложили.

— Когда нужен ответ?

— Завтра вечером.

— Выслушай их. Потом поговорим.

— Вы не хотите, чтобы я остался?

— Хочу. Но не хочу, чтобы ты остался из-за обещания, которое мы не можем выполнить. Илья покрутил секундомер на шнурке.

— С вами трудно паниковать.

— Это хорошо?

— Не всегда.

Он свистнул и отправил следующую тройку. Вера села на скамью, проверила ответы родителей и впервые за день позволила себе просто смотреть на воду. Через сутки чашу осушат частично, дорожки снимут, детей перестанут пускать дальше вестибюля. Она запоминала не красоту, а мелочи: дребезг тележки с досками, мокрые следы пяток, синий пластырь на пальце Димы, голос Ильи, сорванный к концу занятия.

После тренировки она задержала старших на пять минут.

— В «Южном» есть вода по вторникам и четвергам, — сказала Вера. — С половины девятого до десяти вечера. Это поздно и далеко. Мы ищем транспорт и возможность разделить дорожки, чтобы снизить цену. До завтра ничего не обещаю.

— А на старт поедem? — спросил Кирилл.

— Решу, когда пойму, сколько у нас будет воды и как каждый из вас перенесёт новое расписание.

— Но заявка же скоро.

— Поэтому считать будем быстро. Врать — не будем.

Полина вытирала волосы и не поднимала глаз.

— Меня мама не отпустит, — сказала она.

— Я видела её ответ.

— Тогда меня снимут?

— Нет. Я ищу дневное время для младших и тех, кому поздно. Пока ты остаёшься в команде.

— А если не найдёте?

Вера почувствовала, как остальные замерли, ожидая правильной тренерской фразы.

— Тогда мы вместе решим, где тебе безопасно продолжать плавать. Это может оказаться другая секция. Я помогу, если понадобится.

Полина кивнула, слишком быстро сунула полотенце в рюкзак и отошла. Вера не позвала её обратно. Удержать ребёнка любой ценой было проще, чем признать: иногда работа тренера заканчивается рекомендацией другого тренера.

К шести ответили десять семей из двенадцати. Без общего транспорта соглашались четверо. С транспортом — семеро. Повышенную плату подтверждали пятеро. Полина и ещё один мальчик не могли ездить при любых условиях.

Марина прислала расчёт. Триатлонисты готовы были брать одну дорожку по вторникам, но не по четвергам. Частная школа интересовалась двумя дорожками оба дня, если получит отдельный договор с бассейном; её директор мог встретиться утром. Перевозчик просил сумму, которая делала аренду почти вдвое дороже прежней, зато соглашался собирать детей у старого бассейна и развозить обратно по трём остановкам.

Следом пришло сообщение: «Если школа берёт две, нам остаются две. На 12 старших тесно, но реально. Бронь не нужна. Я была неправа насчёт неё».

Вера прочитала последнюю фразу дважды. Написала: «Спасибо. Завтра в 9 свяжемся со школой вместе». Потом добавила: «Семь семей готовы с автобусом. Четыре без него. Полина не может».

Марина ответила не сразу: «Ищем дневное».

До дома Вера добралась без десяти семь. Зелёная сетка во дворе потемнела от начинающегося дождя. У ворот её ждал Артём в рабочей куртке. Рядом стояла невысокая женщина с короткой стрижкой и планшетом под прозрачной папкой.

— Ирина Станиславовна, управляющая компания, — представилась женщина. — Вы просили осмотр помещения для занятий?

— Да. Вера Самойлова. Спасибо, что пришли.

— Благодарите Громова. Я хотела перенести на завтра.

Артём открыл калитку в сетке.

— Завтра там будет смесь. Сегодня хотя бы увидим пол.

Вера надела принесённые кроссовки, расписалась в журнале посещения рабочей зоны и получила оранжевый жилет. Артём проверил, застёгнут ли он, но не коснулся её. Ирина Станиславовна надела каску поверх капюшона и сразу пошла к прачечной.

Днём Вера представляла помещение больше. За открытой дверью оказалась прямоугольная комната с тремя узкими окнами под потолком. Справа стояли поддоны с плиткой, затянутые прозрачной плёнкой. Они занимали почти треть пола. Слева тянулись старые трубы, покрашенные поверх ржавчины. В дальнем углу темнело пятно, похожее на след прежней протечки.

Пустым зал можно было назвать только по привычке. Он был пуст от людей, но полон чужих задач.

— Размер восемь сорок на двенадцать двадцать, — сказал Артём. — От стены до поддонов сейчас пять метров. После завтрашней поставки останется проход метр двадцать. Занятия невозможны.

Вера достала рулетку.

— Если материалы ставить вдоль дальней стены в два ряда?

— Нельзя перекрывать доступ к трубам и окну. И нагрузка на перекрытие распределяется по схеме.

Он показал мелкие отметки на полу. Под каждым поддоном лежали толстые листы фанеры.

— А если доставлять партиями, а не весь объём сразу?

— Тогда машина приезжает чаще, платим за каждую доставку и рискуем остановить работы, если нужной плитки или смеси не окажется в день укладки.

— Насколько дороже?

— Пока не считал. Это не было вариантом.

— Теперь посчитайте.

Ирина Станиславовна подняла взгляд от планшета.

— Кто заплатит разницу?

— Сначала надо знать сумму.

— Жильцы уже утвердили смету, — сказала она. — Дополнительные расходы потребуют решения. И страховщик подрядчика не разрешит занятия в помещении, которое входит в рабочую зону.

— На все восемь месяцев?

— На срок этого этапа. До конца ноября — точно.

Два месяца. Вера пришла искать зал на время закрытого бассейна, а получила помещение, которое нельзя открыть именно тогда, когда оно было нужнее всего.

Она прошла вдоль стены, не заходя за жёлтую разметку. Пол был ровный, старый линолеум снят. Высоты потолка хватало для резины и упражнений без прыжков. Радиаторы работали. Если убрать поддоны, здесь помещались две группы по одиннадцать человек, не одновременно. У окна можно было поставить складные маты. У двери — скамью для обуви.

— Вентиляция? — спросила Вера.

— Естественная, — ответил Артём. — Для двадцати двух человек слабая.

— Одновременно будет максимум одиннадцать. Сорок пять минут.

— После занятия нужен перерыв и проветривание.

— Заложим.

— Вера, сейчас речь не о расписании. Сейчас здесь склад внутри рабочей зоны.

— Сейчас. А вы сказали — этап до конца ноября. Что будет потом?

Артём посмотрел на Ирину Станиславовну. Та пролиستала документы.

— Потом материалы уйдут на верхние этажи, но начнётся двор. Проход к помещению может быть перекрыт.

— Может или будет?

— Проектом предусмотрена траншея вдоль стены.

— На сколько?

— Три недели, если без задержек.

— Значит, нужен другой вход.

— Другого нет, — сказал Артём.

Вера подошла к дальнему окну. Оно было слишком узким даже для взрослого человека. За стеклом дождь блеснул на сетке. Она видела свой подъезд в двадцати метрах, но путь от него сюда проходил через калитку, журнал, жилет и чужое разрешение.

— Почему Анна Львовна помнит обещание комнаты для жильцов? — спросила она.

Ирина Станиславовна вздохнула.

— Потому что три года назад обсуждали переустройство прачечной после капитального ремонта. Не вместо него. Проекта нет, денег нет, назначение помещения не изменено.

— Какое у него назначение сейчас?

— Вспомогательное помещение общего имущества.

— То есть жильцы могут решить, как использовать его после ремонта?

— В пределах закона и технических условий. Могут.

— Тогда я подготовлю предложение собранию.

Артём прислонил рулетку к стене.

— Тебе нужен зал сейчас, а собрание даже при идеальном голосовании займёт недели.

Он впервые сказал ей «тебе». Не по ошибке — просто в этой комнате официальное «вы» вдруг стало слишком длинным. Вера заметила это и ответила так же:

— Мне нужен не один вечер. Бассейн закрыли на восемь месяцев.

— А сухие занятия без воды удержат секцию восемь месяцев?

— Нет. Но они удержат людей между редкими часами воды. Дадут место встречаться, работать, видеть, кто устал и кто собирается уйти.

— То есть зал нужен не только для упражнений.

— Команда не существует в чате.

Артём посмотрел на поддоны, будто пытался увидеть вместо них подростков на матах. Потом поднял план.

— До конца ноября помещение не отдам. Здесь материалы, и через него идёт доступ к стоякам. После — могу посчитать поэтапную доставку и проход во время дворовых работ. Но только если собрание разрешит занятия и управляющая компания согласует безопасность.

— Я не прошу отдать. Я прошу посчитать цену вариантов.

— Варианты тоже кто-то оплачивает.

— А я посчитаю, что можем оплатить мы.

Ирина Станиславовна закрыла папку.

— Тогда нужны две бумаги. От вас — расписание, число людей, оборудование, ответственный, порядок уборки и предложение по компенсации расходов. От Артёма — когда помещение можно вывести из рабочей зоны и сколько будет стоить изменение поставок. Потом вынесем вопрос жильцам.

— И страховщику, — добавил Артём.

— Если дойдём до этого.

Она произнесла так, словно не верила, что дойдут. Вера записала всё дословно.

— Можно снять размеры?

— Без людей в кадре, — сказал Артём.

— Сегодня мне все запрещают фотографировать людей.

— Значит, день бережёт чужую частную жизнь.

Вера сфотографировала каждую стену, окна, радиаторы и вход. Когда пришлось измерять свободную часть пола, Артём взял второй конец рулетки. Они разошлись к противоположным стенам. Лента натянулась между ними над серой плиткой.

— Одиннадцать восемьдесят шесть, — сказал он.

— У тебя было двенадцать двадцать.

— С нишей. Для полезной площади считаем без неё.

— Значит, два ряда по пять ковриков и один у окна.

— Если окно открывается.

Он потянул ручку. Рама не сдвинулась.

— Закрашено, — сказала Вера.

— Заменят на следующем этапе.

— В каком месяце?

— По плану — декабрь.

— После материалов и перед траншеей?

— Одновременно с двором.

— Ты понимаешь, что у вас каждое улучшение сначала делает помещение непригодным ещё на месяц?

— Ремонт этим и занимается. Чтобы стало лучше, какое-то время хуже.

— У тренеров так говорить запрещено.

— Почему?

— Потому что ребёнок услышит только разрешение терпеть боль.

Артём отпустил ручку окна.

— А у инженеров запрещено обещать, что станет лучше без временных ограничений. Иначе человек полезет под леса, потому что ему неудобно обойти дом.

Они стояли близко, но спорили уже не о поддонах. Вера видела капли дождя на его волосах, тонкую белую пыль на воротнике. Он пах мокрой тканью и древесиной. Ей захотелось стереть пыль, и это желание было настолько неуместным, что она сразу отступила к рулетке.

— Значит, будем говорить точно, — сказала она. — Где боль означает остановиться, а где неудобство можно пережить.

— Это я могу подписать.

Снаружи рабочий позвал Артёма. У ворот ждала машина со смесью, хотя поставку планировали на завтра. Водитель решил приехать раньше из-за дождя и теперь требовал разгрузить товар до закрытия склада.

Артём выругался едва слышно и вышел. Вера осталась с Ириной Станиславовной у двери.

— Вот почему ему нужен весь зал, — сказала та. — Поставщики приезжают когда хотят, рабочие требуют своё, жильцы — своё. Если каждую стену поделить между всеми, ремонт не закончится.

— Я вижу.

— Но всё равно будете просить?

— Да.

— Почему?

Вера посмотрела на свободный прямоугольник пола. Завтра его займут мешки. Сегодня здесь помещалось одиннадцать ковриков, если класть их в два ряда. Она уже знала, где встанет сама, чтобы видеть правое плечо каждого ребёнка.

— Потому что ремонт закончится. А секция может не дожидаться.

Артём вернулся и сообщил, что разгрузка займёт сорок минут. Осмотр пришлось закончить. Он проводил женщин за сетку, забрал жилеты и расписался в журнале.

— До завтра дам предварительный расчёт по поставкам, — сказал он Вере. — Не обещаю, что вариант будет разумным.

— Я тоже не обещаю, что жильцы захотят видеть здесь подростков.

— Тогда зачем мы оба считаем?

— Чтобы отказ был про цену и безопасность, а не про то, что никто не попробовал.

Ирина Станиславовна уже уходила к подъезду. Артём задержался у калитки.

— Как прошли четыре дорожки?

— Хорошая вода. Плохое время. Возможно, разделим их с частной школой.

— И возить детей через город ночью?

— Семь семей согласны с автобусом. Четыре могут забирать сами. Двое не смогут ездить.

— Ты уже всех опросила?

— Старших. Мы не подписали договор.

— Почему?

— Потому что пустая дорожка ещё не значит, что она наша.

Он посмотрел через её плечо на прачечную, где рабочие готовили тележки к новой разгрузке.

— Пустой зал тоже, — сказал Артём.

— Я поняла.

Дождь усилился. Вера раскрыла зонт, но ветер сразу вывернул один край. Артём взялся за спицу, поправил её и отпустил, не предлагая проводить двадцать метров до подъезда.

— В восемь будет собрание рабочей группы жильцов, — сказал он. — Неофициальное. По лифту и проходам. Если хочешь понять, кто будет голосовать против зала, приходи.

— А кто будет голосовать за?

— Пока ты.

— Ты?

— Я веду ремонт. Мне нельзя продавать жильцам решение, которое усложнит работы.

— Это не ответ.

— Другого сегодня нет.

Он вернулся за сетку. Вера вошла в подъезд и поднялась на четвёртый этаж. В квартире вода уже была, но из крана шла холодная, с запахом металла. На кухонном столе она разложила два расчёта: четыре дорожки, которые были свободны слишком поздно, и зал, который был свободен только до завтрашней разгрузки.

Телефон показал новое сообщение от матери Полины: «Она плачет. Думает, что подвела команду».

Вера сразу позвонила. Объяснила сначала матери, потом самой Полине: позднее расписание придумали взрослые, дорогу выбирали взрослые, и ребёнок не обязан доказывать пре-

данность команде ночным возвращением домой. Полина молчала, шмыгала носом и наконец спросила:

— А на сухие я смогу ходить?

Вера посмотрела в окно. Внизу в бывшую прачечную катили первые мешки смеси.

— Если добьёмся зала — сможешь, — сказала она. — Но пока я обещаю только то, что буду добиваться.

После разговора она открыла новый документ и написала: «Предложение жильцам об использовании бывшей прачечной». Ниже поставила число детей — одиннадцать в группе, длительность — сорок пять минут, перерыв на проветривание — пятнадцать. Добавила уборку, складные маты, закрытую обувь, взрослого ответственного и запрет занятий во время разгрузки.

В восемь ей предстояло услышать, почему всё это невозможно.

На этот раз Вера собиралась записать каждую причину.

Глава 4. Тонна плитки

Рабочая встреча жильцов проходила в помещении диспетчерской, где для восьми человек нашлось пять стульев. Вера пришла последней и осталась у двери. На подоконнике стоял электрический чайник, рядом сохли мокрые перчатки. За тонкой стеной диспетчер принимала звонки и повторяла, что горячую воду вернут после опрессовки.

Артём сидел у стола с планом двора. Рядом устроилась Анна Львовна, уже без тележки, но с тростью. Ещё Вера знала председателя совета дома Николая Семёновича и молодую мать из второго подъезда, которую все звали Катей. Двух мужчин с верхних этажей она видела в лифте, имён не помнила.

— У нас вопрос по проходам, — начал Николай Семёнович. — Не по кружкам, не по секциям и не по будущему прачечной. Сначала ремонт.

— Я пришла слушать, — сказала Вера.

— Тогда хорошо.

Артём показал на плане места, где снимут старое покрытие двора. С понедельника проход к третьему подъезду станет уже, детские коляски придётся заносить со стороны арки. На три дня отключат наружное освещение, подрядчик поставит временные фонари. В пятницу разгрузят сухую смесь и инструмент, поэтому с восьми до одиннадцати нельзя оставлять машины вдоль сетки.

— Смесь уже везут, — сказала Вера. — Машина приехала вечером.

— Часть разгрузили, — ответил Артём. — Основной объём завтра.

— А почему нельзя было всё привезти сегодня? — спросил мужчина с шестого этажа.

— Потому что в машине было сорок мешков вместо ста двадцати. Поставщик закрыл склад раньше из-за аварии на линии.

— То есть завтра опять перекроют двор.

— На три часа.

— У меня доставка холодильника.

— Перенесите после одиннадцати.

— Я уже заплатил за интервал.

Разговор сразу распался на частные беды. Кате нужно было вывезти коляску в девять. Анне Львовне — попасть на перевязку. Николай Семёнович требовал пропускать машину аварийной службы. Каждый соглашался, что перекрытие необходимо, пока оно не касалось его собственного утра.

Вера слушала и думала о родителях секции. Двадцать два человека тоже признавали закрытие бассейна неизбежным, но каждому требовалось сохранить именно его время, дорогу и старт. Общая проблема не делала частные потери меньше.

Артём записал холодильник, перевязку и коляску. Для Анны Львовны вызвал социальное такси на восемь сорок и договорился, что рабочий встретит машину у арки. Кате предложил пройти через первый подъезд, где оставался пологий спуск. Холодильник разрешил занести со стороны двора после короткой остановки разгрузки.

— Вы так каждому будете отдельный коридор рисовать? — спросил Николай Семёнович.

— Если не нарисую, люди сами полезут через сетку.

Вера поймала взгляд Артёма. В прачечной он говорил о людях почти так же, как она о подростках: запрет без выполнимого пути не работает.

Когда с проходами закончили, Анна Львовна постучала тростью по полу.

— Теперь про комнату. Вера хочет детей туда водить. Я за.

— Вы помещение видели? — спросил Артём.

— Тридцать лет видела. Там бельё сушили, собрания проводили и ёлку ставили. Не вам мне рассказывать.

— Сейчас там тонна плитки.

— Плитка уйдёт.

— Потом будет смесь, инструмент и доступ к стоякам.

— И они уйдут.

— До конца ноября — нет.

Николай Семёнович поднял ладонь.

— Я говорил: не сегодня.

— А когда? — спросила Анна Львовна. — Когда он всё решит без нас?

Артём не ответил. Вера видела, как у него напряглась челюсть. Она могла воспользоваться поддержкой соседки, превратить разговор в спор жильцов с инженером и получить громкое «да» комнате. Только это «да» не вынесло бы ни поддонов, ни мешков.

— Сегодня решения и не нужно, — сказала Вера. — Я готовлю предложение с расписанием и расходами. Артём считает, когда зал можно безопасно вывести из работ. Потом будет общее собрание.

— Вот, — Николай Семёнович кивнул. — Нормальный порядок.

— Нормальный порядок длится месяцами, — буркнула Анна Львовна.

— Поэтому я начала сегодня.

Катя спросила, какого возраста дети. Услышав, что от двенадцати до шестнадцати, нахмурилась.

— Они будут после тренировки сидеть во дворе? У нас и так под окнами шум.

— Занятия до девяти вечера, уходят сразу, — ответила Вера. — Без музыки и прыжков.

— А раздеваться где?

— Приходить в форме под верхней одеждой. Обувь менять у входа.

— Туалет?

Вера замолчала. В прачечной туалета не было. Вести детей в свой подъезд она не могла, общий подвал был закрыт.

— Это надо решить, — сказала она и записала вопрос.

Мужчина с шестого этажа усмехнулся.

— Вот так всегда. Сначала идея, потом выясняется, что люди в туалет ходят.

— Поэтому мы обсуждаем до голосования.

— А страховка? Если ребёнок упадёт на общем имуществе, дом платить будет?

— Ответственность секции должна быть в договоре пользования, — сказала Вера. —

Точную форму уточню у управляющей компании.

— Электричество кто оплатит?

— Секция.

— Уборку?

— Тоже.

— Охрану?

— Взрослый тренер открывает и закрывает помещение. Посторонних занятий не будет.

Вопросы шли один за другим. Некоторые Вера ожидала, другие казались мелочными, пока она не представляла, что платит за чужой свет из собственной квитанции или утром находит грязный пол. Она не спорила, только записывала.

Артём молчал. Один раз придвинул ей свободный лист, когда закончилась страница. Поддержкой это не было, но Вера всё равно почувствовала благодарность.

— И главное, — сказал Николай Семёнович. — Почему именно ваша секция получает помещение? В доме есть дети, пенсионеры, шахматисты. Завтра придёт репетитор и тоже скажет, что ему очень надо.

Вера закрыла ручку.

— Не должна получать навсегда. Я предлагаю временное платное использование по расписанию, пока закрыт бассейн. В остальное время зал остаётся общим. Если жильцы решат, что нужен открытый порядок заявок, я соглашусь.

— Тогда ваши часы могут отдать кому-то ещё.

— Могут.

Анна Львовна повернулась к ней.

— Ты чего сдаёшь назад?

— Я не сдаю. Это общий дом.

— А у них дети.

— У других тоже.

Слова дались тяжелее, чем отказ от брони. Вера уже видела зал своим: два ряда матов, резина у стены, Полина у окна. Но право просить не превращало чужое общее помещение в продолжение её секции.

Николай Семёнович собрал листы.

— Подготовьте предложение. Без туалета и страховки даже не выносите. Громов даёт сроки по ремонту. После этого посмотрим.

Встреча закончилась в девять пятнадцать. Анна Львовна ушла первой, сердито стуча тростью. Катя догнала Веру в коридоре.

— Я не против детей, — сказала она. — Просто у меня малыш засыпает в восемь.

— Я понимаю.

— Все так говорят, а потом мячом в стену.

— Мячей не будет. Если дойдём до пробного занятия, приходите посмотреть.

Катя кивнула, не обещая поддержки.

На улице дождь кончился. Артём запирал диспетчерскую. Вера ждала у крыльца, пока остальные разойдутся.

— Ты знал про туалет, — сказала она.

— Да.

— Почему не сказал на осмотре?

— Ты спрашивала про площадь, вентиляцию и вход. Я отвечал.

— Мог предупредить.

— Мог. Но тогда ты решила бы, что я собираю причины для отказа.

— А сейчас я решила, что ты оставил причину Николаю Семёновичу.

— Значит, угадать всё равно не получилось.

Он убрал ключи в карман.

— В первом подъезде есть служебный санузел, — продолжил Артём. — Его можно включить в договор, если управляющая компания согласится выдавать ключ тренеру. От прачечной сорок метров по двору.

— Во время траншеи?

— Обход через арку, около ста двадцати.

— Нужно сопровождать ребёнка.

— Значит, одному тренеру группу не оставить.

Это добавляло Илью к каждому занятию и зарплату к расходам. Вера записала в телефон.

— Ты мог сказать это на встрече.

— Тогда выглядело бы так, будто я продвигаю твоё предложение.

— А ты его не продвигаешь.

— Я считаю его возможным после ноября. Это не то же самое, что убедить жильцов.

— Боишься потерять доверие?

— Обязан не пользоваться им в личном споре.

Слово «личном» осталось между ними. Вера могла уточнить, что именно он считает личным: соседство, их разговор у окна или её желание стереть пыль с его воротника. Вместо этого спросила:

- Когда будет расчёт?
- Завтра к вечеру. Мне нужны цены поставщика.
- В полдень решается бассейн.
- Это разные задачи.
- Для тебя.
- И для тебя тоже. Просто обе срочные.

Он пожелал ей спокойной ночи и ушёл к третьему подъезду. Вера поднялась домой, поставила телефон на зарядку и до полуночи переписывала предложение жильцам. Добавила служебный санузел, сопровождение вторым взрослым, пробный месяц и право дома прекратить занятия при двух подтверждённых нарушениях. Цену электричества пока оставила пустой.

Утром её снова разбудил металл, но на этот раз будильник уже звонил. Во дворе стоял грузовик. Рабочие перекачивали мешки по фанерному настилу, и каждое колесо ударялось о стык. Вера насчитала сорок три мешка, прежде чем заварился чай.

В семь двадцать позвонила Марина.

— Директор школы может в восемь тридцать по видео, — сказала она. — Сергей Павлович тоже подключится. Ты успеешь?

— Да.

— У меня готова схема: две дорожки школе, две нам. По одиннадцать человек на дорожку нельзя, поэтому делим старших на две смены или берём только десять.

— Две смены в полтора часа не поместятся.

— По сорок пять минут.

— Для воды этого мало, особенно с дальней дорогой.

— Зато десять человек не остаются совсем без воды.

— А двенадцать?

— Двоим время всё равно не подходит.

Вера посмотрела на сообщение матери Полины, которое оставалось вверху чата.

— Они не перестали быть частью старшей группы.

— Не перестали. Но мы обсуждаем эти дорожки, а не справедливое устройство мира.

— В восемь двадцать пришлю тебе вопросы.

Вера положила телефон. Во дворе тележка накренилась на пороге прачечной. Верхние мешки поползли в сторону. Рабочий попытался удержать их плечом, второй закричал. Артём, стоявший у грузовика, бросился к тележке и успел оттолкнуть первого рабочего. Три мешка упали на мокрый асфальт. Один лопнул, серая смесь рассыпалась и сразу потемнела от воды.

Вера уже натягивала куртку. Спустилась во двор, остановилась у сетки. Заходить без разрешения было нельзя.

— Все целы? — крикнула она.

Рабочий, которого оттолкнул Артём, сел на бордюр и держался за кисть.

— Кисть покажите, — сказала Вера.

— Я сам.

— Пальцами пошевелите. Боль где?

Артём открыл калитку.

— Ты врач?

— Нет. Если ударило мешком, нужен медпункт.

— Не ударило, — сказал рабочий. — Тележку дёрнул, руку подвернул.

Вера не стала трогать кисть. Попросила его снять кольцо, пока не появился отёк. Артём вызвал мастера и отправил рабочего в травмпункт с напарником. Потом повернулся к лопнувшему мешку.

— Вот твоя поэтапная доставка, — сказал он.

— Один мешок порвался не потому, что привезли сорок, а не сто двадцать.

— Из-за каждой дополнительной разгрузки появляется ещё один такой шанс.

— Сколько стоит мешок?

— Дело не в мешке.

— Я понимаю. В человеке, простое, мокрому материалу и машине во дворе. Поэтому и прошу полный расчёт, а не только цену рейса.

Он посмотрел на неё устало.

— Ты всегда превращаешь чужую аварию в пункт своего предложения?

Вера почувствовала, как холодеют пальцы.

— Нет. Я пришла, потому что человек мог повредить руку.

— Тогда прости.

Артём сказал это сразу, без защиты. Поднял целый мешок с асфальта вместе с мастером и отнёс под навес. Вера осталась у калитки. Ей хотелось ответить, что всё в порядке, но в порядке не было. Его раздражение попало точно в её собственный страх: что она смотрит на дом, команду и людей только как на препятствия между собой и нужным залом.

— Вчера на встрече я записала все возражения, — сказала она, когда он вернулся. — Не чтобы обойти. Чтобы решить или признать, что не могу.

— Я знаю.

— Тогда не говори со мной так, будто мне всё равно, кто платит за мой зал.

— Не буду.

Между ними проехала пустая тележка. Артём придержал калитку.

— Иди на свою встречу. Здесь я разберусь.

— Откуда ты знаешь?

— Вчера ты сказала про школу в девять.

— В восемь тридцать.

— Тем более.

Дома Вера включила ноутбук за минуту до звонка. На экране появились Марина, Сергей Павлович и директор частной школы — женщина по имени Оксана Борисовна. Она сразу сказала, что школе нужны две крайние дорожки оба дня и отдельный договор с бассейном. В группе у неё было шестнадцать детей от девяти до одиннадцати лет.

— В десять вечера одиннадцатилетние только выйдут из воды? — спросила Вера.

— Родители готовы забирать, — ответила Оксана Борисовна. — У нас коммерческая школа, семьи знали график до записи.

— Этот график появился вчера.

— У нас лист ожидания. Мы предложили, получили согласия.

Марина выключила микрофон и написала Вере: «Не воспитывай партнёра».

Вера не собиралась. Ей нужно было понять другое.

— Если вы берёте крайние, проход ваших детей будет через наши дорожки или со стороны борта?

Сергей Павлович открыл схему чаши. Группы могли развести по разным лестницам. Раздевалки оставались общими, но школа соглашалась входить на пятнадцать минут раньше и ждать разминку в сухой зоне. Расходы делились ровно пополам, хотя у школы было больше детей. Спасатель и медик входили в аренду.

— Нам нужны первые две дорожки, — сказала Вера. — На второй глубина у старта подходит младшим из нашей старшей группы.

— У вас старшая группа, — заметила Оксана Борисовна.

— От двенадцати лет. Не все одинаково уверены на глубине после перерыва.

— Хорошо. Нам без разницы.

Сергей Павлович назначил подписание на одиннадцать тридцать. До этого обе стороны должны были прислать списки, документы тренеров и подтверждение оплаты. Марина согласилась раньше, чем Вера успела открыть расчёт.

— Списки пришлём, — сказала Вера. — Подтверждение оплаты — после окончательного согласия семей в десять.

Оксана Борисовна подняла брови.

— Вы ещё не набрали группу?

— Это действующая команда. Мы меняем место и время из-за закрытия бассейна.

— Тогда почему они могут не согласиться?

— Потому что заканчивать в десять вечера далеко от дома тяжело для ребёнка.

— Наши согласились.

— Я рада, что у вас получилось.

Марина снова написала: «У нас есть четыре да без автобуса. Подписываем».

Вера смотрела на цифры. Две дорожки стоили половину первоначальной суммы. Если взять десять подростков, плата для семьи вырастет, но не вдвое. Автобус съедает всю экономию. Четыре семьи могли забирать своих детей и ещё троих каждая, но такая схема держалась на машинах родителей, погоде и обещаниях.

— Нам нужно право расторгнуть договор через месяц без штрафа, — сказала Вера.

— Минимум три месяца, — ответил Сергей Павлович.

— Бассейн закрыт на восемь, — напомнила Марина.

— Но мы пока не знаем, сколько семей выдержат дорогу. Первый месяц — испытательный.

— Тогда цена выше на пятнадцать процентов, — сказал Сергей Павлович.

Марина закрыла глаза.

— На десять, — предложила она.

После пяти минут торга сошлись на двенадцати процентах и праве отказаться до двадцатого октября. Оксана Борисовна подписывала свой договор на три месяца и явно считала их осторожность слабостью.

Когда звонок закончился, Марина набрала Веру отдельно.

— Мы только что сделали воду дороже.

— Мы сделали выход из договора дешевле трёх месяцев пустых дорожек.

— Родителям понравится эта формулировка.

— Родителям понравится возможность уйти, если дети не выдержат.

— В десять у нас должно быть десять согласий.

— У нас четыре без транспорта и семь с транспортом.

— Убери автобус. Пусть четыре машины развозят остальных.

— Добровольно и с письменным согласием родителей. Не как условие, которое мы навязали.

Марина помолчала.

— Иногда ты строишь договор так, будто заранее готовишься к суду.

— Я строю его так, чтобы ночью никто не обнаружил у себя в машине чужого ребёнка, за которого не соглашался отвечать.

К десяти подтвердились девять семей. Десятая мать согласилась только на вторники. Полина и Дима оставались без поздней воды. Вера составила два списка: основной и те, кому продолжала искать дневное время. Ни один не назвала запасным.

В одиннадцать двадцать она встретила с Мариной у «Южного». Та принесла распечатанные документы и молча отдала Вере договор. Испытательный месяц был вписан, штрафа за отказ в срок не было.

— Проверила? — спросила Марина.

— Дважды.

— Тогда подпиши.

Вера поставила имя под двумя вечерами воды для части команды. Радости не было, только облегчение, похожее на усталость после трудной серии. Четыре дорожки превратились в две. Двадцать два ребёнка — в девять с половиной согласий. Восемь месяцев — пока в один испытательный месяц.

На выходе Сергей Павлович выдал им временные пропуска и напомнил: первое занятие во вторник, списки менять не позже чем за сутки.

Телефон Веры завибрировал. Артём прислал фотографию прачечной. Свободного пола почти не осталось: серые мешки стояли вдоль стены до окон, между ними и плиткой тянулся узкий проход.

Под фотографией было написано: «Тонна с небольшим. Все целы. Расчёт вечером».

Вера показала экран Марине.

— Это твой зал? — спросила та.

— Пока их склад.

— А потом?

Вера посмотрела на подписанный договор. В нём было точно указано, сколько стоит вода, когда она начинается и как из неё выйти. С прачечной ничего точного ещё не существовало, кроме тонны плитки, мешков смеси и обещания посчитать.

— Потом решат жильцы, — сказала она.

Марина убрала документы в папку.

— Значит, нам нужна вода сейчас.

— Да.

Они вышли к остановке вместе. Вера написала родителям подтверждённое расписание, цену и дату первого занятия. Отдельно добавила, что поиск дневных часов продолжается и дети, которым позднее время не подходит, остаются в секции.

Сообщение ушло в общий чат. Почти сразу появились поздравления и значки с волнами. Вера смотрела на них без улыбки. Она знала, как легко люди принимают частичное спасение за окончательное.

Впереди были две дорожки, девять детей и дорога домой ночью.

А за зелёной сеткой тонна плитки держала пустой зал крепче любого замка.

Глава 5. Часы на другом берегу

В пятницу в шесть вечера Вера вошла в старый бассейн через служебную дверь. Парадный вход уже заперли, на стекле висел белый лист: «Объект закрыт на ремонт». Слово «объект» показалось ей оскорбительно точным. За дверью больше не было ни родителей с мокрыми бахилами, ни детей, которые забывали шапочки, ни администратора Ларисы с её жестяной кружкой. Был объект — трубы, стены, провода и вода, которую предстояло слить.

Пахло хлором сильнее обычного. Когда людей не стало, запах словно занял всё свободное место.

— Самойлова, ты зачем вернулась? — крикнул с верхней площадки Виктор Семёнович, старший смены.

— Забрать ласты и доски. Нам разрешили до семи.

— Тележка у медкабинета. Свет в малой раздевалке уже отключили.

Вера нашла тележку, сложила на неё две сетки с ластами, пластиковые доски, колобашки и коробку резиновых лопаток. Всё имущество секции помещалось в один неуклюжий груз. Медали и кубки принадлежали прошлому, дорожки — городу, шкафчики — бассейну. Своими были вещи, которые можно было увезти на тележке.

У чаши она остановилась. Вода лежала неподвижно, без привычной мелкой ряби. На первой дорожке ещё качался забытый красный поплавок. За годы Вера видела бассейн пустым только ранним утром, но и тогда где-нибудь хлопала дверь, гудела машина для уборки, свистел дежурный тренер. Сейчас тишина делала чашу похожей на фотографию.

Она спустилась к борту и сняла поплавков с воды. Правое плечо отозвалось короткой болью, когда пришлось потянуться. Вера выпрямилась, прижала локоть к боку и подождала. Боль ушла, оставив знакомое горячее пятно под лопаткой.

— Не ныряй напоследок, — сказал Виктор Семёнович. — Нас тогда точно не откроют.

— Я уже отплавала напоследок.

— Когда?

Она не ответила. Последний раз она вошла в воду не тренером три года назад, на закрытой дорожке после детской тренировки. Проплыла четыреста метров, на пятой сотне плечо сжалось, будто сустав перетянули ремнём. Вера вышла сама, спокойно оделась и дома выбросила расписанный план возвращения. Никто этого не видел, и рассказывать сейчас было незачем.

Виктор Семёнович подошёл к краю.

— Слышал, в «Южном» взяли воду.

— Две дорожки два раза в неделю.

— На двадцать два человека?

— На девять. Может, на десять по вторникам.

— Остальные куда?

— Пока на сушу. Ищу дневные часы.

Он сунул руки в карманы синей формы.

— Марина вчера звонила. Спрашивала, кому из взрослых групп нужна вода на время ремонта.

Вера посмотрела на него.

— Каких взрослых?

— Которые у вас по утрам ходили. Банковские, кажется. Или страховые. Я в ваши расчёты не лезу.

У секции действительно были две взрослые группы. Их деньги помогали держать детскую цену, но в последние месяцы занятия вела в основном Вера, а расписанием занималась Марина.

— Что она им предложила?

— Не знаю. Спросила телефоны старших групп. Я сказал, что без согласия не дам.

Это было похоже на Марину: сначала проверить, кто готов платить, потом складывать решение. Взрослые ездили сами, позднего времени не боялись и могли сделать две дорожки окупаемыми. Если они занимались после подростков или в другой день, в этом не было ничего плохого.

— Правильно, что не дал, — сказала Вера. — У неё есть база секции.

— Значит, разберётесь.

Он пошёл к щитовой, а Вера ещё минуту смотрела на воду. Потом толкнула тележку к выходу. Колесо заедало на каждом пороге. В служебном коридоре на стенах остались светлые прямоугольники от снятых объявлений. Из кабинета директора выносили папки. Лариса сидела у стойки в куртке и подписывала ключи бумажными бирками.

— Куда всё повезёшь? — спросила она.

— Часть в «Южный», часть домой.

— Могу оставить доски у себя в гараже.

— Спасибо. Пока разберусь.

Лариса вынула из ящика прозрачный пакет.

— Это твои дети забыли.

В пакете лежали две шапочки, очки с жёлтыми стёклами и маленький кодовый замок. Вера узнала шапочку Полины: та нарисовала на ней чёрным маркером две неровные молнии.

— Передам.

— Вернётесь, — сказала Лариса.

— Вернёмся.

Вера произнесла это не как обещание срока. Вернутся они наверняка другими: кто-то вырастет, кто-то уйдёт, кто-то привыкнет к новому тренеру или решит, что пять недель без нормальной воды перечёркивают областной старт. Восемь месяцев в двенадцать лет были длиннее, чем три года для взрослого.

На улице ждала Марина. Она открыла багажник машины, и они вдвоём стали укладывать инвентарь. Доски не помещались поперёк, пришлось опустить заднее сиденье.

— Я думала, ты уже уехала, — сказала Вера.

— Хотела помочь. И показать расписание.

— Виктор Семёнович сказал, ты спрашивала про взрослых.

Марина не отвела глаза.

— Спрашивала. Если найдём им воду, не потеряем выручку полностью.

— В «Южном»?

— Где получится. Взрослые могут ездить дальше и позже.

— Наши две дорожки заняты детьми.

— Разумеется.

Ответ прозвучал слишком быстро, но сам по себе был правильным. Вера взяла у неё папку.

На первом листе Марина разложила неделю на клетки. В понедельник и среду стояли сухие занятия младших в школьном спортзале, который ещё не был согласован. Во вторник и четверг — «Южный», с половины девятого до десяти. Пятница оставалась пустой. Суббота была отмечена вопросом: городской физкультурный зал на два часа утром. Рядом с именами девяти подростков стояли номера машин и возможное число пассажиров.

— Сухой зал школы откуда? — спросила Вера.

— Оксана Борисовна познакомила с завучем. Им нужен тренер по общей подготовке для пловцов в понедельник и среду. Если ты проведёшь час их детям, второй час дадут нам без аренды.

— Их детям сколько лет?

— Девять — одиннадцать.

— В какой группе?

— В той, что будет рядом с нами в «Южном».

— То есть я бесплатно тренирую их на суше, а их школа освобождает помещение для наших детей.

— Не бесплатно. Обмен.

— У школы есть право так распоряжаться залом?

— Завуч сказала, что есть окно.

— Устно?

Марина захлопнула багажник сильнее, чем требовалось.

— Вера, я принесла рабочий вариант через сутки после закрытия бассейна. Можно хотя бы сначала увидеть, что он рабочий?

— Вижу. Поэтому спрашиваю. Если в понедельник нас не пустит охрана, рабочим он быть перестанет.

— Завтра будет письмо.

— Тогда поставим в расписание после письма.

Они сели в машину. Марина включила обогрев стекла, хотя дождя не было. За запертой дверью бассейна Виктор Семёнович снял свет в вестибюле. Белый лист ещё немного светился под уличной лампой, потом стекло стало чёрным.

— Артём прислал расчёт? — спросила Марина.

— Обещал вечером.

— Ты всё ещё надеешься на эту прачечную.

— Мне нужен сухой зал рядом с домом. Не вместо воды, а чтобы удержать всех вместе.

— Всех вместе уже не получится. Девять едут, тринадцать не едут.

— В одной группе они всё ещё двадцать два.

— На бумаге.

— И для меня.

Марина выехала со стоянки. Они договорились отвезти половину инвентаря Вере, а остальное оставить до вторника в машине. У первого светофора Марина протянула телефон.

— Посмотри чат водителей. Четыре машины, места хватает всем девяти.

— Тебе зелёный.

— Посмотри потом.

На экране Вера успела заметить ещё один чат, закреплённый сверху: «Мастерс — вода». Так взрослые любители называли свои группы. Рядом стояла цифра двенадцать непрочитанных сообщений.

— Уже собираешь взрослых?

— Проверяю спрос.

— На какие часы?

— В нескольких бассейнах. Ничего не продано, если ты об этом.

— Я спросила про часы.

Марина перестроилась в правый ряд.

— В субботу утром есть вариант в «Олимпе». В воскресенье поздно — здесь, в «Южном». Ещё Сергей Павлович иногда отдаёт отмены в день занятия.

— Отмены нельзя обещать группе.

— Я не обещаю. Собираю людей, которым можно предложить быстро.

Вера вернула телефон. Такая работа и составляла сильную сторону Марины: видеть свободную клетку раньше, чем остальные замечали расписание. Без неё секция не выросла бы до двадцати двух детей. Вера умела строить сезон, исправлять технику, замечать, когда под-

росток скрывает боль или страх. Марина умела превращать звонки, окна и деньги в возможность войти в воду. Они семь лет работали рядом именно потому, что каждая делала то, чего не любила другая.

— Доступ к списку в «Южном» только у нас двоих? — спросила Вера.

— И у администратора.

— Изменения подтверждаем обе.

— Если ребёнок заболел в день тренировки, я буду ловить тебя между свистками?

— Заменить одного ребёнка из нашей команды можешь сама. Добавить взрослого — нет.

Марина резко взглянула на неё, затем снова на дорогу.

— Я не собиралась ставить взрослых к подросткам.

— Хорошо.

— Скажи нормально: ты мне не доверяешь.

— Я говорю нормально: детские часы заняты детьми. Остальные решения обсуждаем.

— Ты получила две дорожки, которые без взрослых не окупятся, и запрещаешь мне искать деньги.

— Ищи деньги. Не продавай одно место дважды.

В салоне стало слышно, как в багажнике трутся друг о друга пластиковые доски.

— Не продам, — сказала Марина.

До дома они больше не говорили. Вера вынесла две сетки и коробку, Марина оставила ей расписание. Машина уехала, прежде чем Вера успела закрыть подъездную дверь.

На лестнице не горела лампа между первым и вторым этажом. Вера поднялась на ощупь, задевая сеткой перила. У квартиры Анны Львовны стоял Артём с пакетом продуктов и пытался открыть замок её ключом.

— Чуть вправо и вверх, — сказала Вера. — Там личинка проседает.

— Полезный домовый навык.

Замок поддался. Анна Львовна крикнула из комнаты, чтобы он оставил молоко в холодильнике, а хлеб не клал рядом с лекарствами. Артём занёс пакет и вышел через минуту.

— У тебя магазин спортивных товаров? — спросил он, забирая у Веры коробку.

— Всё, что осталось от секции.

— Не говори так при детях.

— При детях я так не говорю.

Он донёс коробку до её двери. Вера открыла квартиру, включила свет и увидела на экране телефона письмо от него. Тема была короткой: «Прачечная — варианты».

— Уже можно ругаться? — спросила она.

— Лучше сначала прочитать.

В письме было три расчёта. Первый — оставить склад в прачечной до конца ноября, как запланировано. Второй — разбить поставки на четыре части и арендовать закрытый контейнер во дворе. Третий — перенести большую часть материалов на склад поставщика и привозить каждую неделю.

Контейнер, дополнительные рейсы, разгрузки и охрана делали второй вариант дороже почти на двести восемьдесят тысяч рублей. Третий стоил немного меньше, но зависел от наличия материалов: поставщик не гарантировал ту же партию плитки и смеси через месяц. Внизу Артём перечислил то, что деньгами не измерялось: ещё семь въездов грузовика во двор, остановки работ при задержке поставки, риск оставить раскрытое перекрытие перед морозами.

Вера дошла до последней строки дважды. Даже если жильцы соглашались оплатить перенос, освободить зал полностью можно было не раньше двадцать второго октября. Потом требовались уборка, проверка проводки и отдельное ограждение прохода к стоякам.

— Двести восемьдесят тысяч, — сказала она.

— Если цены не изменятся.

- А изменятся.
- Скорее всего.
- Секция столько не заплатит.
- Я знаю.
- Дом тоже не должен.
- Это решат собственники. Я дам им цифры.

Она прислонилась к стене. Вчера пустой зал казался трудной, но существующей возможностью. Теперь между ней и залом стояла не только тонна плитки, а сумма, за которую можно было почти два месяца возить детей в дальний бассейн.

— Почему ты не сказал примерную цену раньше?

— Потому что вчера примерная цена была бы выдумкой. Сегодня у меня есть ответы поставщика и контейнерной площадки.

— Ты специально посчитал самый дорогой контейнер?

— Закрытый, с сухим полом и замком. Дешёвый открытый нам не подходит. Хочешь — пришлю три предложения.

Вера поймала себя на том, что ищет в его расчёте уловку. Не потому, что Артём давал повод, а потому, что честная цифра закрывала удобную надежду.

— Не надо, — сказала она. — Я верю расчёту.

— Это не отказ от зала.

— Похоже на него.

— До конца ноября склад нужен в любом случае. После этого часть материалов уйдёт наверх, часть — во двор. Если график не сдвинется, в декабре помещение можно обсуждать без этих расходов.

— Два месяца.

— Девять недель.

— Спасибо, стало короче.

Он улыбнулся одним уголком рта.

— Я не умею сокращать календарь.

— Зато умеешь считать каждый въезд.

— Потому что за каждым въездом кто-нибудь опаздывает на перевязку или не может занести холодильник.

Вера посмотрела на него. Вчера ей казалось, что их спор устроен просто: ей нужны дети в зале, ему — материалы. Но Артём считал не мешки против подростков. Он считал все последствия, включая те, которые никто не хотел замечать заранее.

— Я вынесу предложение жильцам без досрочного освобождения, — сказала она. — Только с декабря. А до тех пор попробую договориться о разовых занятиях, если появится безопасное окно.

— Окно не появится случайно. Я напишу, когда закончится этап со смесью.

— Это помощь?

— Это точный срок вместо надежды.

— Иногда помощь так и выглядит.

Он всё ещё держал коробку. Вера отступила, пропуская его в прихожую. Артём поставил коробку у шкафа, рядом с сеткой ласт. Квартира сразу стала похожа на тесный склад: на стуле лежали распечатки, у стены — инвентарь, на кухонном столе стоял ноутбук с таблицей оплат.

— Чай? — спросила она.

Артём взглянул на часы.

— На десять минут.

Она поставила чайник. Он сел у окна, но не открыл ноутбук и не стал смотреть расчёты. Вера достала две кружки.

- Рабочему что сказали в травмпункте?
- Растяжение. Перелома нет. Три дня без нагрузки.
- Ты оплатишь эти дни?
- Подрядчик оплатит. Я прослежу.
- А мешок?
- Пережил хуже нас обоих.

Вера засмеялась. Напряжение отпустило так внезапно, что пришлось поставить кружку на стол обеими руками. Артём смотрел на неё не как инженер на просителя и не как сосед на причину неудобств.

- У бассейна сегодня свет погас, — сказала она. — Странно было видеть.
- Ты давно там работаешь?
- Тренером семь лет. До этого плавала почти всю жизнь.
- Скучаешь по соревнованиям?

Обычно люди задавали этот вопрос с готовым ответом. Бывшая чемпионка должна была скучать по трибунам, стартовой тумбе и победам. Вера скучала по утреннему часу, когда тело ещё не устало и каждая ошибка казалась исправимой к следующей серии.

- По ясности, — сказала она. — В воде всё видно сразу. Пропустила гребок — потеряла скорость. В работе можно ошибаться месяц и считать, что спасаешь команду.
- В ремонте тоже. Только ошибку иногда находят этажом ниже.
- Поэтому ты всё считаешь заранее?
- Поэтому я знаю, что заранее посчитать всё нельзя.

Чайник выключился. Вера налила воду. Артём взял кружку, и их пальцы коснулись на ручке. Никто не отдернул руку сразу. Прикосновение длилось меньше секунды, но Вера успела заметить белую пыль у него под ногтем и маленький порез на костяшке.

Телефон завибрировал на столе. Марина прислала сообщение: «Школа подтвердила зал письмом. Пн/ср 18:00–20:00. Я отправила родителям».

Следом пришёл файл. Завуч разрешала занятия на месяц при условии, что первый час Вера работает с учениками школы, второй — со своей группой. Ответственность за детей каждая организация несла отдельно. Формулировка была ясной.

- Хорошая новость? — спросил Артём.
- Сухой зал дважды в неделю. Не наш, зато с понедельника.
- Тогда за это.
- Он поднял кружку. Вера коснулась её своей.
- За чужие залы, — сказала она.
- И временные решения.
- Они выпили чай за десять минут, как договорились. У двери Артём остановился.
- Завтра утром будет шумно с восьми.
- Я уже различаю тележку, перфоратор и твоё плохое настроение.
- Моё плохое настроение работает тише перфоратора.
- Не всегда.

Он ушёл, и Вера закрыла дверь. Потом перечитала письмо школы, поставила в расписании две твёрдые клетки и открыла список команды. На сухие занятия могли прийти все, кроме Димы: у него по понедельникам была музыкальная школа, а по средам мать работала допоздна. Вера написала ей отдельно и предложила субботнюю тренировку, если получится зал.

- Марина позвонила через пять минут.
- Теперь можно признать, что расписание рабочее?
- Понедельник и среда — да. Спасибо.
- Я записала школьную группу на тебя. Восемнадцать детей.
- В письме нет числа.

— Завуч сказала восемнадцать.

— На одного тренера в незнакомом зале много. Нужен их учитель или Илья.

— Илья пока наш. Я ему уже написала.

— Он ответил?

— Нет.

У Ильи оставалось несколько часов до ответа «Олимпу». Вера не хотела узнавать о его выборе через пустую клетку в расписании.

— Позвоню ему сама.

— Позвони. И ещё: взрослые готовы брать воскресные отмены. Пять человек точно, ещё четверо думают.

— По какой цене?

Марина назвала сумму. Она была почти вдвое выше обычного разового занятия.

— Они знают, что время не гарантировано?

— Знают. Платят только после подтверждения.

— Деньги идут через счёт секции.

— Конечно.

— И не под моим именем, если меня там не будет.

В трубке повисла пауза.

— Они знают нашу секцию по тебе, — сказала Марина.

— Знать секцию и покупать тренировку со мной — разное.

— Я написала: «Группы школы плавания Веры Самойловой». Это название, а не обещание, что ты лично стоишь на бортике.

Официально школа называлась просто «Стартовая дорожка». Имя Веры появлялось в описании сайта и на старых листовках, но не было названием организации.

— Исправь, — сказала Вера.

— На что?

— «Взрослая группа школы плавания “Стартовая дорожка”». И укажи тренера, когда он будет известен.

— Так откликнется вдвое меньше.

— Зато никто не купит меня, когда меня нет.

Марина выдохнула.

— Хорошо. Исправлю.

Это не было ссорой. Они обсудили формулировку, Марина согласилась. И всё же Вера записала себе проверить объявление. Не из желания поймать партнёршу, сказала она себе, а потому что именно её имя увидят люди, если что-нибудь сорвётся.

Илья ответил сразу. Голос у него был глухой, словно он вышел на лестницу.

— Я хотел сам позвонить, — сказал он. — В «Олимпе» дают полную ставку с первого октября.

— Поздравляю.

Слово оказалось тяжёлым, но честным.

— Я ещё не согласился.

— Почему?

— У нас дети. И старт.

— Старт пока не подтверждён. Детей мы не бросим, даже если ты уйдёшь.

— Ты одна не вывезешь две воды, сухие и поездки.

— Это не причина тебе отказываться от полной ставки.

— А если доработать месяц?

— «Олимп» ждёт?

— До понедельника. Потом возьмут другого.

Вера села. Ей хотелось попросить хотя бы две недели, перечислить всё, что без него рассыплется: сопровождение до служебного туалета, школьную группу, вторую дорожку в «Южном». Но удержать Илью означало заплатить ему неопределённостью за её надежду.

— Принимай, — сказала она. — Попроси оставить тебе у нас два вечера по совместительству, если хочешь и если они разрешат. Но сначала подпиши полную ставку.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому и говорю.

Он тихо рассмеялся.

— Очень по-тренерски.

— Напиши, как решишь.

После разговора Вера вычеркнула Илью из понедельника карандашом. Рядом поставила вопрос. В календаре было уже четыре подтверждённых занятия, но каждое держалось на условии: дальняя дорога, чужая школа, уходящий тренер, отмена другой группы.

Она открыла чат родителей. Там обсуждали, кому купить складной коврик и можно ли ждать детей у «Южного» в машине. Мать Полины спросила, сможет ли дочь заниматься на суше, если совсем не ездит в воду. Вера ответила: «Да. Она остаётся в команде на тех же условиях. Для воды ищем дневное решение».

Марина поставила под сообщением знак согласия.

В одиннадцать вечера Вера проверила взрослое объявление. Имя было исправлено. Цена и негарантированное воскресное время указаны прямо. Внизу стояло: «Тренер назначается после подтверждения воды».

Она закрыла телефон, не находя причины для нового разговора.

За стеной Анна Львовна включила телевизор. Во дворе рабочий передвинул металлическое ограждение, и оно протяжно звякнуло. Прачечная оставалась складом минимум девять недель. Старый бассейн стал тёмным объектом за запертой дверью. Новая вода находилась на другом берегу города и принадлежала им только три часа в неделю.

Вера разложила на полу ласты по размерам. Двадцать две пары не набралось: часть дети забрали домой, две сетки остались у Марины. Она считала не имущество, а людей. Девять поедут во вторник. Все, кроме Димы, смогут прийти в школьный зал. Полина получит свои очки с жёлтыми стёклами и шапочку с молниями. Илья, вероятно, уйдёт на полную ставку. Взрослые помогут оплатить воду, если Марина действительно найдёт им отдельные часы.

Каждая клетка расписания была чьей-то уступкой, но ни одна не должна была стать чужой потерей, о которой договорились молча.

Вера подняла последнюю доску и поставила к стене. Под ней лежал красный поплавок, снятый с первой дорожки. Она повесила его на ручку шкафа — не как память о закрытом бассейне, а как отметку места, куда нужно вернуться.

Глава 6. Двадцать два ребёнка

В понедельник в половине шестого Вера стояла у школьной проходной с двумя списками. В одном было восемнадцать учеников Оксаны Борисовны, которых она ещё не знала. В другом — двадцать два имени, знакомые не только по лицам, но и по тому, кто торопится на старте, кто снимает очки обеими руками и кто молчит, когда устал.

Охранник взял первый список, сверил печать и открыл турникет.

— Эти с шести, — сказал он. — А ваши с семи?

— Да.

— Родителей внутрь не пускаем. Детей забираете отсюда всей группой.

— После занятия тоже приводим сюда?

— До семи дежурю я, потом сменщик. Ему всё передадут.

Вера попросила записать её номер в журнале и поднялась в зал. На двери висела табличка «Начальная школа». Внутри вдоль стены стояли низкие скамейки, баскетбольные кольца были опущены, на полу цветной лентой размечены круги. Для подростков потолок казался слишком низким, зато было тепло, сухо и чисто. После недели переговоров этих трёх качеств хватало, чтобы назвать место удачей.

Илья уже раскладывал коврики.

— Значит, оставили два вечера? — спросила Вера.

— Вторник и четверг. В «Олимпе» подписал полную ставку, с первого числа выхожу.

Понедельники не обещают.

— Сегодня почему здесь?

— Долг родине.

— Я серьёзно.

— Попросил начать завтра. Они согласились один раз.

Вера сжала его плечо здоровой левой рукой.

— Спасибо. Но дальше по понедельникам справимся без тебя.

— Кто второй взрослый?

Ответа у неё не было. Марина умела вести разминку, но в воде и в зале отвечать за технику должна была Вера. Родители могли помогать с проходом и переодеванием, однако превращать их в бесплатных работников секции она не хотела.

— Сегодня ты, — сказала она. — К среде решу.

Школьники пришли сразу всей группой. Их сопровождала молодая учительница физкультуры Светлана, о которой в письме не было ни слова. Она представилась и сказала, что останется на каждом занятии: школа не передаёт детей внешнему тренеру без своего сотрудника.

Вера испытала такое облегчение, что не сразу заметила другое.

— Тогда почему завуч просила нашего второго взрослого?

— Для вашей группы. После семи я уйду вести секцию в малом зале.

Обмена бесплатной помощью не получилось, но первый час перестал быть рискованным. Вера быстро проверила обувь и спросила о травмах. Трое детей протянули справки, у одного болело колено после падения, девочка по имени Соня недавно сняла фиксатор с запястья. Оксана Борисовна не передала ничего из этого.

— Сегодня без опоры на больную руку, — сказала Вера Соне. — Светлана, можно вас на минуту?

Они отвели детей к дальней стене.

— Мне нужны ограничения до занятия, а не во время, — тихо сказала Вера. — И число детей в письме.

— Завуч договаривалась не со мной. Я тоже узнала утром.

— У вас есть медицинские допуски?

— В журнале. Принесу к среде.

— Хорошо. Сегодня работаем без прыжков и нагрузки на плечи до проверки.

Светлана кивнула. Она не оправдывалась, и раздражение Веры ушло так же быстро, как появилось. Здесь, как в доме и бассейне, каждый видел только свой кусок договорённости.

В шесть Вера построила детей полукругом. Они ожидали сухого плавания: махов руками, резины и приказов держать локоть. Вместо этого она дала каждому по теннисному мячу и попросила пройти зал, удерживая его на раскрытой ладони.

— Это зачем? — спросил высокий мальчик в синей форме.

— Чтобы узнать, кто умеет слушать задание до конца. Идёте до линии, меняете руку, обратно идёте спиной. Мяч не зажимать.

На обратном пути мячи покатались по всему залу. Дети засмеялись, Светлана бросилась собирать их, но Вера остановила.

— Не подбираем чужой. Каждый замечает, где потерял свой, возвращается и начинает участок заново.

Через десять минут шумная группа двигалась внимательнее. Вера добавила шаги в сторону, приседание у линии, поворот корпуса. Плавание на суше часто превращали в плохую копию воды. Она не собиралась учить детей грести воздух. Им были нужны равновесие, сила корпуса и привычка точно выполнять движение, когда никто не держит их дорожкой.

В шесть пятьдесят у двери появились её подростки. Сначала девять, потом ещё четверо. Они заглядывали в зал, узнавали Веру и махали. Полина стояла впереди в шапке с двумя молниями, натянутой вместо обычной спортивной шапочки.

— Она сухая, — объяснила Полина, когда Вера подошла. — Я решила, пусть будет форма.

— Очки тоже наденешь?

— Если вы заставите.

— Сегодня помилую.

К семи пришёл двадцать один человек. Не было только Димы. Его мать предупредила, что в понедельник он на музыке, но Вера всё равно смотрела на дверь до последней минуты.

Родители не расходились. Охранник несколько раз повторил, что в школу нельзя, и тогда взрослые собрались под козырьком у входа. Через стекло Вера видела поднятые телефоны и напряжённые лица. Кто-то приехал спросить про деньги, кто-то — про областной старт, кто-то хотел убедиться, что сухой зал существует.

— Начинаем, — сказала Вера.

Илья закрыл дверь. Перед Верой стояли почти все: старшие, младшие, те, кто завтра поедет в «Южный», и те, кому вода не досталась. За неделю они успели разделиться, хотя никто не называл раздел вслух.

— Сначала правила, — сказала она. — Этот зал школьный. Входим только со мной или другим тренером, обувь меняем внизу, по коридорам не ходим. Первые сорок минут работаем все вместе. Потом делимся не на тех, кто ездит в воду, и тех, кто не ездит, а по задачам.

— А завтра кто не едет, тот что делает? — спросил Костя.

— Получает домашнюю работу и субботнее занятие, если подтвердят зал.

— Это не то же самое.

— Не то же.

Она не стала украшать ответ. Костя ехал завтра, но спрашивал за друга Диму.

— Почему тогда платим одинаково? — раздалось сзади.

Вопрос задал Арсений, пятнадцатилетний спринтер. Его отец стоял за стеклом и смотрел прямо на Веру.

— В октябре оплата будет разной по фактической воде, — сказала она. — Сухие занятия входят всем. Расчёт родители получают до среды.

— А кто ездит, будет больше тренироваться.

— В воде — да.

— Значит, на старт поедут они.

— На старт поедут те, кто будет готов безопасно. Сейчас я никому не обещала участие.

В зале стало тихо. Вера видела, как Полина смотрит в пол. Для неё слова о безопасности означали почти наверняка остаться дома.

— И ещё, — продолжила Вера. — Место в поздней группе не становится преимуществом навсегда. Через две недели проверим дорогу, посещаемость и восстановление. Если кто-то не выдерживает график, меняем решение. Если найдём дневные часы, распределяем их по тренировочной задаче, а не по тому, кто громче просил.

— А можно отказаться от завтра и потом вернуться? — спросила Лиза.

— Можно. За отказ никто место в команде не потеряет.

Илья включил секундомер. Разминку Вера построила парами, специально смешав тех, кто ездил в «Южный», с теми, кто оставался. Полина считала повторения Арсению. Костя держал резину для двенадцатилетней Нади. Когда Арсений стал тянуть сильнее, чтобы быстрее закончить подход, Полина отпустила резину.

— Ты чего?

— Ты делаешь плечом.

— Тренер нашлась.

— Она права, — сказала Вера. — Локоть ниже. И скорость здесь не нужна.

Она показывала движение левой рукой. Правую поднимала только до уровня, на котором не появлялась боль. Раньше подростки замечали это и отводили глаза. Сегодня новый зал будто разрешил им смотреть внимательнее.

— В воде вы тоже не будете делать тысячу одинаковых гребков ради цифры, — сказала Вера. — Ошибка, повторённая тысячу раз, не становится техникой.

После общей части Илья увёл старших на упражнения для ног и корпуса. Вера осталась с младшими у стены. Она дала им простое задание: лечь на коврики, вытянуться и по очереди прижимать поясницу к полу, не задерживая дыхание. Полина справилась первой. У Нади поднимались рёбра, Костя слишком напрягал шею.

— Зачем это, если мы не в воде? — спросил он.

— Чтобы тело не ломалось посередине, когда руки и ноги устали. Представь длинную доску. Если она мягкая в центре, оба конца могут стараться сколько угодно, вперёд она не поедет.

— Доски не ездят.

— Поэтому нам особенно трудно.

Кто-то засмеялся. Вера поправила положение Нади, не касаясь без предупреждения, затем снова посмотрела на дверь. В коридоре появилась Марина. Она показала два пальца и телефон: нужно поговорить.

Вера передала группу Илье и вышла.

— Родители требуют собрание сейчас, — сказала Марина. — Не после тренировки. У людей дети заканчивают в восемь, потом ехать домой.

— Сейчас я веду занятие.

— Они двадцать минут стоят на улице.

— Их никто не просил ждать.

— Отец Арсения говорит, что не заплатит, пока не поймёт, за что.

— До среды все получают расчёт.

— Он хочет сегодня.

Вера посмотрела через стекло. Отец Арсения говорил с двумя матерями и время от времени указывал на зал.

— В восемь двадцать проведём двадцать минут у входа, — сказала она. — Кто не может ждать, получит запись основных решений текстом.

— Может, я начну сейчас?

— Про оплату — можешь. Про старт и тренировочные решения — нет.

Марина поджала губы.

— Ты боишься, что я пообещаю лишнее?

— Ты уже сказала Илье, что старт почти точно сохраняется.

— И судя по двум дорожкам, была права.

— Две дорожки не делают детей готовыми.

Из зала донёсся свисток. Илья остановил упражнение: Арсений спорил с Полиной, кому досталась длинная резина.

— После занятия, — повторила Вера и вернулась.

Она развела спорящих по разным парам, но смысл ссоры был не в резине. Поздняя вода стала редким ресурсом, и те, кто получил её, уже чувствовали, что заслужили больше. Те, кому она не досталась, искали доказательство, что их отодвинули.

Вера собрала всех у центральной линии.

— Сейчас будет эстафета, — сказала она. — Но победителя не будет.

— Тогда зачем? — спросил Арсений.

— У каждой пары своё время. Первый проходит дорожку с мячом, второй следит за точностью. Потом меняетесь. Ваша задача — во второй попытке улучшить собственный результат без ошибок.

— Это всё равно соревнование.

— С собой — да.

— Скучно.

— Можешь не участвовать. Сядешь у стены и запишешь результаты остальных.

Арсений выбрал участвовать.

К концу занятия в зале снова появилась команда, а не очередь за водой. Полина и Арсений улучшили время на четыре секунды. Надя с Костей во второй попытке шли медленнее, зато ни разу не уронили мяч. Вера не делала из упражнения нравоучение. Подростки и без речи поняли, что условия у пар разные, а работа остаётся общей.

После заминки она попросила всех принести к среде по две бутылки воды: полную и пустую. Костя спросил, будут ли они плавать в бутылках. Вера обещала решить, когда увидит, кто подпишет технику безопасности.

У проходной родители окружили её раньше, чем дети успели надеть куртки. Марина стояла рядом с папкой и списком оплат.

— Двадцать минут, — сказала Вера. — Сначала факты. Два сухих занятия в неделю подтверждены на месяц. Две дорожки в «Южном» — вторник и четверг с половины девятого до десяти, испытательный договор до двадцатого октября. Завтра едут девять человек. Десятый — только по вторникам. Остальным продолжаем искать воду.

— То есть мой сын тренируется, а платим мы за тех, кто не едет? — спросил отец Арсения.

Марина открыла рот, но Вера ответила первой.

— Нет. Водная часть будет начисляться тем, кто ей пользуется. Общие расходы секции — тренеры, сухой зал, хранение инвентаря — делятся по договору. Точный расчёт пришлём.

— Почему точного ещё нет? Вы вчера подписали бассейн.

— Потому что сегодня Илья подтвердил переход на полную ставку в другое место и остаётся у нас только два вечера. Нужно пересчитать зарплаты и второго взрослого.

Несколько родителей повернулись к Илье. Он стоял чуть поодаль, держа дверь детям.

— Вы нас бросаете? — спросила мать Полины.

— Нет, — ответил он. — Беру постоянную работу. Здесь веду воду во вторник и четверг, если «Олимп» окончательно согласует.

— А сухие занятия?

— Веду я, — сказала Вера. — Второго взрослого наймём или заключим отдельное соглашение со школой. Родительское дежурство не будет условием допуска ребёнка.

— Почему? — спросила женщина в красном пальто. — Я могу приходить по средам бесплатно.

— Помочь можно добровольно. Но безопасность не должна зависеть от того, чей родитель свободен.

— Это опять расходы, — сказал отец Арсения.

— Да.

— И сколько?

— В среду получите две суммы: с водой и без воды. Если они вам не подходят, можно отказаться и получить остаток оплаты за октябрь.

— А старт? Мы готовились весь год.

— До старта пять недель, — сказала Вера. — Решение приму после двух недель тренировок. Мне нужно увидеть не только скорость, но и то, как дети переносят позднюю дорогу.

— Вы можете просто снять их, даже если мы платим?

— Могу не допустить спортсмена, если считаю старт небезопасным. Плата не покупает допуск.

Отец Арсения покраснел.

— Удобно. Деньги возьмёте, результата не обещаете.

— Результат тренировки — не медаль по договору. Я обещаю работу и честное решение по готовности.

— В другом клубе нам хотя бы скажут цель.

— Цель есть. Сохранить форму и вернуться в воду без травм. Областной старт возможен, но пока не гарантирован.

Марина тронула Веру за локоть. Жест означал: смягчи. Вера не отстранилась, но и не изменила ответ.

Мать Полины подняла руку, словно на собрании.

— Если Полина не ездит в «Южный», у неё вообще есть шанс на старт?

Полина стояла рядом, сжав пакет с обувью.

— Сейчас маленький, — сказала Вера. — Я не буду делать вид, что сухая тренировка заменяет воду. Но если найдём дневное время и она будет готова, решение изменится.

— Значит, те, у кого машина, получают шанс.

— Сейчас — да. Это несправедливо. Поэтому поздние дорожки не будут единственным путём отбора.

— А каким будет другой?

— Я ищу обмена с клубами и субботнюю воду. Пока её нет, не стану придумывать.

Мать Полины кивнула, хотя легче ей не стало. Полина вдруг спросила:

— Можно я завтра поеду просто посмотреть?

— Закончим в десять. Как вернёшься?

— С Арсением. У них есть место.

Отец Арсения посмотрел на сына, потом на мать Полины.

— Довезём, — сказал он. — Не проблема.

— Спасибо, — ответила Вера. — Но зрителем на бортик бассейн не пустит. Если место в машине есть и мама согласна, Полина может занять воду во вторник. В четверг решим отдельно.

— А почему ей можно, если список уже закрыт? — спросил кто-то.

— Потому что десятое место по вторникам было предусмотрено договором. Оно не занято.

Марина быстро проверила бумаги.

— Нужно отправить изменение до половины девятого вечера.

— Отправь, пожалуйста.

Полина впервые за весь разговор улыбнулась. Вера не позволила себе принять эту улыбку за решённую проблему. Одна поездка не превращала позднюю воду в доступную, а свободное место в машине — в систему.

Собрание закончилось в восемь сорок семь. Отец Арсения ушёл, не попрощавшись, но через минуту в чате появилось его сообщение: «Полину берём туда и обратно, подтверждаю».

Илья помог донести коврики в кладовую.

— Ты умеешь продавать тренировки, — сказал он.

— Я ничего не продала.

— Вот именно.

— Марина скажет, что это недостаток.

— Марина умеет сделать так, чтобы было на что тренировать. Ты — чтобы осталось кого.

Они заперли кладовую. У выхода Светлана передала Вере копию школьного журнала с ограничениями детей и свой номер.

— По средам я могу оставаться ещё на час, — сказала она. — У меня окно до девяти. Официально оформим как сопровождение школьного мероприятия, если завуч разрешит.

— Бесплатно не надо.

— Я не бесплатно. Мне школа ставит часы за секцию. Просто их до сих пор некому было вести.

Это решение не было подарком. Оно складывалось из обычной школьной ставки, свободного часа и разговора, который следовало провести до первого занятия.

— Тогда завтра позвоню завучу, — сказала Вера.

На улице Илья пошёл к метро, Марина — к машине. Вера осталась у ворот с последними детьми. Мать Димы прислала короткое видео: он в чёрной рубашке играл гамму на пианино. Под видео было написано: «В среду придёт. Очень переживает, что всех отстаёт».

Вера ответила: «Он пропустил одно занятие, а не команду».

Потом пересчитала выходящих. Полина уехала с матерью, Арсений — с отцом, Костя и Надя пошли к остановке вместе. Двадцать первый подросток махнул ей от калитки. Двадцать второго сегодня не было, но его имя оставалось в списке без звёздочки и без пометки «запас».

Вера убрала лист в папку. Завтра в воду войдут десять. В среду в зал должны прийти двадцать два. Пока эти числа не стали названиями разных команд, у неё оставалось время.

Глава 7. Первый спор жильцов

Во вторник без четверти семь Вера принесла в помещение совета дома двадцать семь листов и ни одного коврика. На первом листе было написано, когда секция готова пользоваться бывшей прачечной. На втором — сколько заплатит за свет, уборку и временное хранение мелкого инвентаря. Остальные предназначались для тех, кто захочет проверить цифры самостоятельно.

Комната совета находилась в первом подъезде, между колясочной и щитовой. В ней помещались длинный стол, восемь стульев и шкаф с папками. Для собрания жильцов этого было мало, поэтому Артём открыл дверь в коридор и расставил там складные табуреты. На стене висел план дома, приколотый кнопками по углам. Красная линия показывала участок двора, который предстояло вскрыть под трубы. Синяя — путь от ворот до подъезда, оставленный для скорой и пожарных.

Вера увидела на плане знакомый прямоугольник прачечной. Внутри Артём нарисовал карандашом три ряда палет. Они занимали почти весь зал.

— Ты не преувеличил для наглядности? — спросила она.

— Масштаб один к пятидесяти.

— Я про количество.

— Первая партия уже там. Вторая придёт через две недели, если перекрытие откроют без сюрпризов.

Он протянул ей отдельный лист. На нём были даты поставок, вес и свободный проход вдоль стены. До первого декабря ни одного промежутка шире двух с половиной метров не оставалось.

— Значит, сегодня ты скажешь «нет».

— Сегодня я скажу, что до декабря людей туда пускать нельзя.

— Это и есть «нет».

— На октябрь и ноябрь — да.

Вера положила рядом своё расписание. Она и сама предлагала начинать в декабре, но услышать это от него оказалось неприятнее, чем увидеть в расчёте. Возможно, потому что до собрания оставалось пятнадцать минут и ей хотелось знать, на чьей он стороне. Желание было детским и потому особенно досадным.

— А после декабря?

— После разгрузки основной партии можно обсуждать часы. Если к тому времени не найдём трещины, сырость или новое требование пожарных.

— У тебя на всё есть условие.

— У ремонта тоже.

Он сказал это спокойно, без привычки побеждать последней фразой. Вера посмотрела на его руки. На указательном пальце темнела свежая царапина, под ногтями осталась белая пыль. Он весь день провёл не над красивым планом, а там, где рабочие снимали штукатурку вокруг балок.

— Я не буду просить складировать смесь во дворе, — сказала она.

— Знаю.

— Откуда?

— Ты написала это на первой странице жирным.

— Чтобы никто не решил, что я предлагаю именно это.

— Всё равно решат.

В коридоре загремела трость. Первой пришла Анна Львовна, соседка с третьего этажа, недавно перенёсшая операцию. Артём подал ей стул с высокой спинкой, а Вера помогла снять

пальто. За ней вошли Ирина Станиславовна из управляющей компании и двое членов совета дома. Потом люди стали подходить по одному и парами. Кто-то принёс квитанции, кто-то фотографии двора в телефоне, кто-то пришёл только потому, что в объявлении было слово «прачечная».

К семи часам в комнате и коридоре собралось тридцать четыре человека. Вера узнала женщину в красном пальто с прошлой встречи, молодого отца с коляской, двух пенсионеров из четвёртого подъезда и мужчину, который тогда спрашивал, где детям ходить в туалет. У двери стояла незнакомая девушка с рулоном бумаги под мышкой.

Председатель совета дома Нина Петровна постучала ручкой по столу.

— У нас сорок минут, потом здесь приём по начислениям. Обсуждаем использование бывшей прачечной после освобождения от материалов. Не голосуем за спорт вообще, не решаем судьбу детей города и не увольняем подрядчика. Сначала факты.

Она кивнула Артёму.

Он встал у плана и объяснил то, что уже показывал Вере. До конца ноября прачечная была частью рабочей зоны. Там хранились плитка, сухая смесь, крепёж и запечатанные банки с составом для защиты металла. Пускать людей между палетами нельзя, даже если расчистить середину. В декабре часть материалов уйдёт на этажи, но пользоваться залом можно будет только после повторного осмотра, установки временного света и отделения прохода от двора.

— А если поставки задержатся? — спросил кто-то из коридора.

— Тогда освобождение сдвинется.

— На сколько?

— Настолько, насколько сдвинется поставка. Я не назову дату, которой не управляю.

По рядам прошёл недовольный шум. Вера знала этот звук. Так родители реагировали на слова о старте: им казалось, что ответ существует, но человек впереди не хочет его дать.

— То есть вы предлагаете нам голосовать неизвестно за что, — сказал мужчина с фотографиями двора.

— Сегодня можно определить порядок, — ответила Нина Петровна. — Не передавать помещение навсегда.

Артём сел. Нина Петровна назвала Веру.

Она раздала первые листы по рядам. В коридор передавали через плечо, и её аккуратная стопка сразу превратилась в мятые страницы с загнутыми углами.

— У меня секция из двадцати двух подростков, — начала Вера. — Городской бассейн, где мы занимались, закрыт на восемь месяцев. В другом бассейне удалось взять две поздние дорожки два раза в неделю, но ездить туда могут не все. Прачечная не заменит воду. Она даст место для общей физической подготовки рядом с домом и позволит сохранить команду, пока мы ищем доступные часы.

— Все дети из нашего дома? — спросила женщина в красном пальто.

— Четверо. Ещё семеро живут в соседних домах, остальные приезжают из разных районов.

— Тогда почему наш дом должен их содержать?

— Не должен. Я предлагаю договор аренды на часы, оплату электричества и уборки, залог за ключ и открытый журнал использования. Начало — не раньше декабря и только после разрешения по безопасности.

— Сколько аренда?

Вера назвала сумму за месяц. Она взяла нижнюю цену школьного зала в районе, вычла расходы на душевые, которых здесь не было, и прибавила уборку. Марина считала предложение слишком щедрым. Вера считала опасным входить в общий дом с просьбой о скидке ради детей.

— Эти деньги куда? — спросила Анна Львовна.

— На отдельный счёт дома или в зачёт содержания помещения — как решат собственники и управляющая компания. Мне важно, чтобы назначение было видно.

Ирина Станиславовна подняла ладонь.

— Отдельный счёт так просто не открывается. Возможен договор возмещения расходов, а плату за пользование общим имуществом должны одобрить собственники. Форму мы ещё проверим.

— Тогда в листе нужно исправить, — сказала Вера.

Она записала это прямо на своём экземпляре. Мужчина с фотографиями наблюдал за ней, будто ждал попытки спрятать ошибку.

— Время? — спросила Нина Петровна.

— Понедельник и среда с семнадцати тридцати до двадцати тридцати. Первые полчаса — приход и переодевание, два часа занятия, последние полчаса — уборка и выход. Не больше двенадцати детей одновременно, два взрослых. Обувь сменная. В подъезды группа не входит, кроме доступа к служебному туалету с сопровождающим, если управляющая компания подтвердит.

— А остальные десять детей куда? — спросила девушка с рулоном.

— Группы чередуются. Это хуже, чем общий зал, но безопаснее, чем двадцать два человека в помещении с одним выходом.

— Почему именно понедельник и среда?

— Во вторник и четверг часть команды в воде. В пятницу у подростков школьная нагрузка, а мне нужен день для выездных занятий и переговоров.

— То есть вы хотите лучшие вечера каждую неделю, — сказал молодой отец. — А мы с ребёнком зимой где будем заниматься? На кухне?

— Вы тоже хотите зал? — спросила Вера.

— Я хочу игровую комнату. У нас в подъездах коляски некуда ставить, дети сидят на лестнице.

— Коляски и игровая — разные вопросы, — заметила Нина Петровна.

— Для вас всё разные вопросы, а помещение одно.

Девушка развернула рулон на краю стола. Это оказался план с цветными квадратами: мягкий угол, стеллажи, длинная полка для настольных игр.

— Мы собрали тридцать восемь подписей за семейную комнату, — сказала она. — Я отправляла заявление ещё весной, до ремонта. Здесь можно сделать место для детей от трёх до десяти и занятия по выходным.

Вера почувствовала, как предложение, казавшееся ей аккуратным, стало занимать в комнате слишком много места. Она знала только о складе. Артём не сказал про семейную комнату.

Она посмотрела на него. Он едва заметно качнул головой: не знал или не мог обсуждать до собрания. Ответа этого было недостаточно, но выяснять при всех она не стала.

— Я не предлагаю закрыть доступ на всю неделю, — сказала Вера. — Два вечера можно совместить с другой функцией помещения.

— С резиной, мячами и потными подростками? — спросила девушка.

— Всё оборудование уносится в закрытый шкаф или со мной. Пол моется после занятия.

— А мягкие модули нам каждый раз куда убирать?

— Если они останутся в зале, занятия секции придётся строить вокруг них. Это возможно только после осмотра.

— Конечно. Дети помладше будут вокруг, а ваши спортсмены — главное.

— Я этого не говорила.

— Вы принесли готовый график до того, как спросили, кому ещё нужен зал.

Вера хотела ответить, что объявление о предложениях висело пять дней и никто не прислал ей ни одного плана. Потом поняла: присылать должны были не ей. Она пришла как чело-

век, которому нужен ресурс, и незаметно для себя решила, что остальные обязаны появиться в её переговорах заранее.

— Вы правы в одном, — сказала она. — Я знала только о секции и ремонте. Семейную комнату нужно поставить рядом с нашим предложением, а не после него.

Девушка ожидала спора и на мгновение растерялась.

— Меня Лена зовут.

— Вера.

— Я знаю.

С дальнего табурета поднялся невысокий мужчина в рабочей куртке.

— А мастерская куда делась? — спросил он. — Мы ещё три года назад просили верстак. В доме половина людей дрель включает по субботам, потому что больше нигде.

— В жилом доме ещё мастерской не хватало, — отозвалась Анна Львовна.

— Я про ручной инструмент. Табурет починить, велосипед собрать.

— И пальцы там оставить.

— На кухне безопаснее?

Ещё один голос из коридора предложил кружок для пенсионеров. Женщина рядом с Анной Львовной сказала, что им нужен стол для встреч с врачом и социальным работником. Молодой отец вспомнил про хранение самокатов. Мужчина с фотографиями двора потребовал сначала вернуть жильцам деньги за испорченный газон. Через две минуты прачечная стала одновременно спортзалом, детской, мастерской, складом и кабинетом.

Нина Петровна снова постучала ручкой.

— По одному. Мы собираем варианты, а не заселяем помещение сегодня.

— Варианты собирали весной, — сказала Лена. — Наши подписи лежат у вас.

— Подписи были за игровую, но без расходов, ответственного и режима доступа.

— Потому что нам никто не дал смету.

— Смету должен кто-то заказать.

— Совет дома.

— Совет дома — не бесплатное проектное бюро.

Артём встал, не дожидаясь, пока спор перейдёт на личности.

— Сейчас есть два разных вопроса. Первый: когда помещение перестанет быть складом стройки. Второй: как им пользоваться после. Если смешать их, получится обещание открыть зал к дате, которой нет. Предлагаю записать ограничения, общие для любого варианта.

Он взял маркер и повернул к людям чистую сторону переносной доски.

— Одновременное хранение тяжёлых материалов и занятия людей запрещены. Проход к щиту и окну свободен всегда. В помещении нужен один ответственный на каждое время доступа. После двадцати одного часа — тишина. Любая постоянная мебель согласуется до установки. Кто пользуется, тот убирает и возмещает дополнительные расходы.

— А почему вы решаете? — спросила Лена.

— Я не решаю, кому отдать зал. Я отвечаю за то, при каких условиях туда можно войти во время ремонта.

— И случайно условия лучше всего подходят складу.

— Сейчас помещение и есть склад.

— Который вы туда поставили.

— По утверждённой схеме работ.

— Значит, жильцов поставили перед фактом.

Артём положил маркер на край доски.

— Схему утвердили на собрании в июне. За неё проголосовали семьдесят один процент собственников. Если вы хотите оспорить решение, это отдельный вопрос. Сегодня я не буду делать вид, что палеты можно переставить между тренировкой и детским праздником.

В его голосе не было раздражения, и именно поэтому возражать ему становилось труднее. Он не защищал Веру и не нападал на Лену. Он оставлял посреди комнаты неудобный вес материалов, который нельзя было проголосовать лёгким.

— Допустим, в декабре склад уменьшается, — сказал молодой отец. — Почему нельзя утром материалы, вечером людей?

— Потому что палета весит больше тонны, — ответил Артём. — Её не закатаешь за занавеску. Пока в помещении остаются сухие смеси и плитка, доступ посторонних исключён. Если освободим отдельную часть, нужна жёсткая перегородка, а не лента на полу.

— Сколько стоит перегородка?

— Временная с дверью и креплением без повреждения пола — предварительно от ста двадцати тысяч. Плюс монтаж и проверка прохода.

— Пусть секция заплатит, — сказал кто-то.

Несколько человек поддержали. Вера быстро разделила сумму на месяцы и количество семей. Получилось больше, чем поздняя вода для одного ребёнка.

— Секция не потянет такую сумму, — сказала она.

— Тогда вопрос закрыт.

— Вопрос не закрыт, — возразила Анна Львовна. — В декабре смесь уйдёт, и перегородка не понадобится.

— Если уйдёт, — поправил мужчина с фотографиями.

— Артём сказал, что уйдёт основная часть.

— Он сказал, что не знает даты.

Спор вернулся к началу. Вера поймала взгляд Артёма. Он стоял, опираясь ладонью на стол, и ждал не помощи, а момента, когда можно будет добавить новый факт. Она вдруг поняла, почему он не назвал ей семейную комнату. Если бы рассказал заранее, их разговор превратился бы в тайную подготовку двух союзников. Сегодня он должен был быть инженером для всех, даже если вечером они снова пили бы чай у неё на кухне.

От этой мысли стало и легче, и холоднее.

— Давайте не будем делить декабрь, пока не решили, что именно делим, — сказала Вера. — Моё предложение можно изменить. Секции нужны два занятия по два часа. Не обязательно оба вечером, если найдётся выходной. Мне не нужна мебель, кроме запираемого шкафа. Я готова хранить инвентарь в другом месте. Но я не соглашусь проводить тренировку одновременно с игровой комнатой или мастерской.

— Боишься малышей? — спросил молодой отец.

— Боюсь мяча, который попадёт в трёхлетнего ребёнка, и инструмента рядом с подростками. За занятие отвечаю я. Если функции разные, время тоже должно быть разным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.